

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

ЯРОСТЬ БУРИ

Л Е Г Е Н Д Ы В Б Л И З З А Р Д

РИЧАРД А. КНААК

World Of Warcraft

Ричард Кнаак

World of Warcraft. Ярость Бури

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Кнаак Р. А.

World of Warcraft. Ярость Бури / Р. А. Кнаак — «Издательство ACT», 2010 — (World Of Warcraft)

ISBN 978-5-17-122353-3

Множество тайн хранят Изумрудный Сон и его стражи-затворники – род зеленых драконов. Друиды, поставившие перед собой цель поддерживать хрупкий природный баланс, с давних пор погружались в Изумрудный Сон и бдительно следили за изменениями на Азероте. Однако не все сновидения приятны. В последнее время Изумрудный Кошмар, порча, затаившаяся в глубинах Изумрудного Сна, стал разрастаться, превращая безмятежную природу в царство невообразимого ужаса. Разум и тело зеленых драконов, попавших в сети Кошмара, необратимо изменились. А друиды, вошедшие в преобразившееся царство сновидений, обнаружили, что выбраться из него не так-то просто, а порой и вовсе невозможно! Но это не единственные жертвы Изумрудного Кошмара – все чаще жители Азерота ощущают на себе дыхание порчи. Не исключено, что даже сам Малфурион Ярость Бури, самый первый и самый сильный друид Азерота, также пал жертвой этой нарастающей угрозы. В то время как неконтролируемые кошмары распространяются по всему миру, соратники верховного друида предпринимают отчаянную попытку найти и спасти его. Очень скоро враги природы узнают истинное значение имени Ярость Бури.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122353-3

© Кнаак Р. А., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Пролог	9
1	13
2	21
3	29
4	37
5	47
6	55
7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ричард А. Кнаак

World of Warcraft: Ярость Бури

© 2017 MARVEL

© ООО «Издательство АСТ», 2017

© 2020 by Blizzard Entertainment, Inc. Все права защищены.

Stormrage, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

*Посвящается двенадцати миллионам человек, которые вдохнули
жизнь в Азерот*

*«Я знаю только, что должен выяснить правду, какой бы она ни
была, даже если это будет стоить мне жизни».*

Малфурион Ярость Бури, «Источник Вечности»

Пролог Кровавое дело

Тура застыла на краю гигантской скальной пропасти. Непроизвольно сжимая топор могучей рукой, молодая орчиха оглядывалась вокруг, ища способ перебраться на другую сторону, но все было тщетно. Несмотря на юный возраст, Тура, с ее четко очерченными мышцами, была опытной воительницей. Но теперь, мечась из стороны в сторону и не находя выхода, она больше напоминала испуганного ребенка с перекошенным от страха широким лицом и скривившимся ртом с острыми клыками. Тура упрямо покачала головой и что-то пробормотала, явно не желая сдаваться. Тяжелые, густые пряди темно-русых волос, обычно собранных в хвост, полностью скрыли левую половину ее лица.

На другой стороне пропасти шла ожесточенная битва, в эпицентре которой находился ее соплеменник – тот, кого Тура знала лишь по смутным детским воспоминаниям да рассказам великого вождя Тралла. Она ясно видела этого орка с седеющими волосами, жестким лицом и мощными руками. Как и она, воин был облачен в кожаный килт и портупею. Все тело орка покрывали шрамы – отметины бесчисленных битв прошлых войн. Даже теперь, со всех сторон окруженный чудовищными врагами, воин презрительно ревел, бросая им вызов.

А его враги и вправду были настоящими чудовищами – демоны Пылающего Легиона, оскверненные твари, ростом превышавшие даже своего мощного противника. С ног до головы они были закованы в броню, а ядовитое желто-зеленое пламя, вырывавшееся из их тел, не уступало по яркости огню свирепой решимости в карих глазах орка. Орудия напоенными порчей клинками и прочим отвратительным оружием, враги наносили удар за ударом, пытаясь прорвать оборону противника, но орк умело отбивался топором, равных которому не было на Азероте. И топор этот был *целиком вырезан из дерева*.

Впрочем, нет, это описание совсем неточное. Тура вспомнила, как один шаман осмотрел обовоюострый топор и заключил, что он был *воплощен* с помощью могущественной магии. Ходили слухи, будто это дар самого полубога Кенария, хранителя природы и защитника леса.

Каким бы ни было происхождение этого оружия, то, что в нем заключена магия, не требовало доказательств – достаточно было взглянуть, с какой непринужденностью топор сокрушал клинки и толстую броню, словно рассекая воздух! Из смертельных ран демонов вырывалось желто-зеленое пламя Скверны, и они падали под мощными ударами один за другим.

Одинокий воин, как и всё вокруг, был окутан странным изумрудным туманом, не имевшим ничего общего с огнями Пылающего Легиона. Тут и там можно было различить голубоватые вспышки, из-за которых происходящее казалось призрачным видением. Тура, поглощенная поисками прохода, не придавала значения этой детали.

Вдруг слева от орка и чуть позади него возникла удивительная фигура. Впрочем, Тура знала, к какой расе принадлежит этот высокий незнакомец с фиолетовой кожей. Ночной эльф. Вот только он был мало похож на представителей своего народа: голову эльфа украшали могучие ветвистые *олены рога*. Судя же по странному одеянию, он был друидом, одним из почитаемых хранителей природы, и явно занимал среди них высокое положение. Возможно, то был даже верховный друид.

Лицо ночного эльфа было широким, суровым и очень запоминающимся. Он носил густую зеленую бороду, а его золотистые глаза, не менее выразительные, чем рога, сверкали так ярко, что были видны даже издалека.

При виде незнакомца Тура затаила дыхание. Он же склонился к орку и что-то прошептал. Хоть ночной эльф и не был вооружен, старый воин заметно приободрился. Он сразил множе-

ство демонов, но, кажется, только теперь, заручившись поддержкой сильного союзника, поверили в победу над кровожадной толпой, подбирающейся к ним.

Вдруг в руках ночного эльфа материализовался длинный деревянный посох. Друид воздел его высоко вверх, и конец посоха сам собой вытянулся в зловещее острое. Орк, по-прежнему стоявший впереди и не видевший этого, как раз срубил очередному чересчур порывистому демону узкую голову, украшенную витыми рогами.

И тут ночной эльф прикоснулся заостренным концом посоха к шее воителя.

Увы, Тура заметила коварство эльфа слишком поздно. Она закричала, но расстояние было слишком большим, и слова утонули в звуках ожесточенной битвы.

Из шеи орка возник крохотный росток, похожий на сорную траву, которая могла оказаться под ногами Туры тысячу раз на дню. Вот только эта маленькая травинка стремительно увеличивалась в размерах с каждым ударом сердца.

Наконец орк почувствовал, что что-то не так. Он потянулся рукой к шее, и вокруг запястья тут же обвились темно-зеленые листья. Пробившиеся из ростка стебли становились все длиннее и длиннее, захватывая в силки беспомощную жертву. В какой-то момент на листьях появились острые шипы, которые впивались в кожу орка и принимались высасывать из него кровь.

Двудикий ночной эльф улыбнулся и отступил подальше, любуясь делом своих рук. Крови было все больше, она реками изливалась из каждого прокола.

Орк задрожал, открыл рот в немом крике и припал на одно колено. Гибкие стебли теперь оплетали все его тело, не давая пошевелиться, а из глубоких ран продолжала хлестать кровь. Ночного эльфа это, кажется, только радовало.

– *Броксигар!* – Тура выкрикнула имя орка, хоть и ясно было, что спасти его уже невозможно.

Неожиданно демоны растворились в тумане, и не осталось никого, кроме ночного эльфа, его жертвы и самой Туры. Эльф отступил еще дальше и обратил на орчицу насмешливый взгляд.

Его золотистые глаза заполнились абсолютной чернотой, превратились в безжизненные равнодушные провалы, которые как будто высасывали душу. Потом из них полезли, расползаясь по земле ужасным потоком, отвратительные насекомые – эбеновые жуки-падальщики, клопы, многоножки, тараканы и прочие гады. Из воздуха возникли силуэты деревьев и других растений, на которые сразу же набросились насекомые. Кусты, трава и даже самые высокие древесные стволы теперь были скрыты под отвратительным покрывалом из насекомых.

А потом природа стала увядать. *Весь мир* как будто корчился в агонии. Тура оказалась в извращенном, чудовищном кошмаре.

Ночной эльф засмеялся, из его рта вновь повалили насекомые...

И вдруг он исчез.

Тура снова позвала Броксигара по имени. Умирающий орк с трудом поднял голову и встретил ее взгляд. Он высвободил из гибких стеблей руку с волшебным топором и вытянул ее вперед.

Губы орка прошептали имя...

Тура резко проснулась.

Некоторое время она лежала, приходя в себя. Несмотря на то, что в лесу было вполне тепло, ее тело сотрясало дрожь. Броксигар занимал все мысли Туры, а его смерть раз за разом снилась ей в кошмарах.

Наконец орчица не без труда встала на ноги. Небольшой костер, который она разожгла накануне, давно прогорел, оставив на память о себе лишь едва заметные струйки дыма. Отложив оружие, Тура забросала угли землей, огляделась по сторонам в поисках своих вещей. Схватив небольшой кожаный мешок, она снова подняла топор и отправилась в путь.

Все ее дни тянулись одинаково. Тура шла до тех пор, пока в ногах еще оставались силы, потом добывала себе ужин, ложилась спать, видела один и тот же кошмар, в ужасе вскакивала, понимая, что нужно торопиться, и снова брела вперед. Такая жизнь, несмотря ни на что, нравилась Туре. Хотя риск опоздать для того, кто почти не спит, минимален, он все же добавлял остроты. Кроме того, с каждым шагом она приближалась к своей цели – к отмщению за смерть кровного родича.

А еще Тура понимала, что куда сильнее ее подстегивает необходимость предотвратить катастрофу, которая затронет не только орков, но и *весь мир!*

Воин из сна приходился сводным братом отцу Туры. Юная орчиха помнила печальную историю о том, как Броксигар (или Брокс – так называли его близкие) сражался с демонами Пылающего Легиона. Тогда в живых остался только он. Даже в детстве Тура хорошо понимала, каким виноватым Броксигар чувствовал себя за то, что пережил своих боевых товарищей.

После этих событий великий вождь Тралл отправил ветерана на таинственное задание в компании еще одного орка. Никто из них не вернулся, но, по слухам, какой-то старый шаман нашел волшебный топор из сна и принес его Траллу. Этот же шаман рассказал, будто бы Брокс был настоящим героем и спас не только орков, но и *всех* остальных жителей Азерота. Иные болтали, что после шаман превратился то ли в огромную птицу, то ли в дракона, расправил крылья и улетел.

Тура понятия не имела, правда ли это, но, когда она выросла и доказала свою воинскую доблесть, сам Тралл вручил ей легендарный топор сородича. В конце концов, Тура была единственной родственницей Броксигара, если не считать ее дяди, Варока Саурфанга. Можно было ожидать, что топор достанется ему или его сыну. Вот только Дранош Саурфанг не так давно пал в битве, а шаман из ближнего окружения вождя видел в пророческом сне, что владеть оружием Броксигара должна именно Тура и никто другой. Никто не знал, почему, но Тралл решил прислушаться к этому совету.

Тура носила оружие сородича с честью и считала, что досталось оно ей по иронии судьбы, не иначе. Ведь еще относительно недавно орки, поддавшиеся влиянию крови демона Маннорота, вторглись под предводительством легендарного Громуши Адского Крика в Ясеневый лес и убили Кенария. Прошло время, и Тралл научил свой народ уважать природу. Печальная история, но Тура не имела к ней никакого отношения, а потому с присущей оркам практичностью рассудила, что дух Кенария не возмутил бы новый владелец его подарка.

Когда она первый раз взяла топор в руки, то почувствовала, что это *правильно*. Однако волшебное оружие принесло с собой и кое-что другое. Проявилось это совсем не сразу. Страшная тайна открылась позже, да и то первое время Тура не придавала ей значения. В конце концов, это всего лишь сон.

Или же нет...

Чтобы узнать истину, Туре не нужна была помочь шаманов. И так ясно, что к ней обращался жаждавший мести дух погибшего родственника. Сон был правдив, в этом она уверена. Тура узнала, как именно умер Броксигар – преданный ночным эльфом, которого считал товарищем! Сама не зная, почему, юная орчиха была уверена, что этот эльф еще жив и что его можно отыскать. Нужно лишь правильно истолковать сон. После пробуждения Тура чувствовала, в каком направлении нужно идти, где именно скрывается предатель, оборвавший жизнь отважного Броксигара.

Во сне ей явилось имя, которое звенело в ушах, наполняло мысли, хоть Тура ни разу и не слышала, как Броксигар произносил его при жизни.

Малфурион Ярость Бури. Малфурион Ярость Бури...

Тура вскинула топор, некогда принадлежавший великому герою, и в очередной раз дала клятву своему погившему дяде. Она найдет Малфуриона Ярость Бури, где бы он ни был и с чем бы не пришлось столкнуться в пути.

И когда это случится, топор Брокса станет орудием заслуженного возмездия, а сама Тура, возможно, сумеет спасти Азерот... пока не стало слишком поздно.

1

Тельдрассил

Еще ни разу с момента падения Зин-Ашари блестящую верховную жрицу Элуну не посещало столь дурное предчувствие.

Потрясенная до глубины души, Тиранда Шелест Ветра попыталась найти успокоение в медитации. Город Дарнас, новая столицаочных эльфов, был построен, чтобы почтить подвиг народа, и не имел никакого отношения к его безумной королеве. Конечно, он был меньше Зин-Ашари, но по-своему не менее впечатляющ, и не в последнюю очередь из-за того, что располагался прямо в корнях Тельдрассила. Это Мировое Древо было столь огромным и могучим, что ночным эльфам не составило труда разместить внутри него поистине впечатляющие сооружения. Например, храм Луны, построенный из камня, который доставили с материка и перенесли внутрь ствола с помощью магии. В густой листве Тельдрассила скрывалось множество поселений. Дарнас был удивителен еще и тем, что значительно превосходил их своим масштабом.

За все это стоило поблагодарить друидов, которые терпеливо вырастили Мировое Древо.

Но думать о них Тиранда хотела меньше всего, ведь эти мысли едва ли подарят ей покой. Конечно, жрица безмерно уважала друидов, ведь природа всегда была неотъемлемой частью жизниочных эльфов. Однако даже поверхностные размышления о них неизбежно пробуждали страхи и волнения, касающиеся ее друга детства и возлюбленного – Малфуриона Ярости Бури.

Мягкий свет богини луны, струившийся в просторный центральный зал храма, проходил сквозь круглый купол из витражного стекла, менял цвет с серебристого на нежно-фиолетовый, а затем, как по волшебству, снова возвращал первоначальный оттенок, омывая сверкающий пруд со статуей Эйден, первой верховной жрицы, которая, будучи ребенком, услышала божественный голос Элуны. Тиранда, по обыкновению, устроилась, скрестив ноги, на массивных каменных ступенях у пруда, прямо перед простертymi вверх руками Эйден. Она отчаянно молила и свою предшественницу, и богиню о покое и мудром наставлении, мечтая избавиться от нарастающей тревоги. Хотя жрицы и послушницы часто приходили в главный зал храма, чтобы обрести покой и помолиться, сегодня здесь никого не было.

Тиранда закрыла глаза, безуспешно пытаясь не думать о Малфурионе. Их долгая и печальная история началась во времена Войны Древних. Тогда Тиранда, Малфурион и его брат-близнец Иллидан оставили позади беззаботную юность, превратившись в опытных воителей. Тиранда до сих пор остро переживала предательство Иллидана и свое заточение во дворце Ашары. Верховную жрицу время от времени посещали воспоминания о том, как слуги королевы во главе с мерзким предателем Ксавием, превращенным в демонического сатира, схватили ее и перенесли в Зин-Ашари. Впрочем, помнить она этого не могла, ведь в тот момент потеряла сознание и узнала всю историю лишь позже. Ярким было и воспоминание о том, как под конец сражения она едва не потеряла своего возлюбленного Малфуриона, который сумел изгнать демонов из Азерота. На последнем издыхании могучий друид спас Тиранду от верной гибели.

И все же больше всего было вспоминать о том, как после войны они с Малфурионом строили планы на будущее. Опасность миновала, мир больше не требовал самопожертвований, и влюбленные наконец-то могли начать совместную жизнь.

Однако, к разочарованию Тиранды, их с Малфурионом вновь разлучил долг. Ее возлюбленный посвящал все свое время обучению друидов, ведь им, ревнителям природы, предстояло исцелить бесчисленные раны Азерота. А после Малфурион сделал трудный выбор и вновь

оставил свою избранницу, предпочтя тихой семейной жизни блуждание по просторам Изумрудного Сна. Порой Тиранда задумывалась, любил ли он ее на самом деле.

Сама она, хоть и против воли, стала верховной жрицей Элуны, а потом под давлением обстоятельств и вовсе приняла на себя обязанности правительницы ночных эльфов. Тиранде удалось привнести значительные изменения в жизнь своего народа. Так, она отменила порочную традицию назначать офицеров в зависимости от происхождения и создала отряды Часовых, чьи командиры получали высокие должности по заслугам. Тиранда не хотела быть лидером, но и отказаться от этой роли не могла, поскольку искренне любила свой народ.

«Мать-Луна, даруй мне покой!» – взмолилась верховная жрица.

Несмотря на возраст, исчислявшийся тысячелетиями, Тиранда выглядела едва ли старше, чем в тот день, когда приняла бразды правления. Ее голову все так же, словно корона, украшали струившиеся по плечам густые темно-зеленые волосы с едва заметными серебристыми прядями, которые появились еще в юности. Лицо оставалось юным, даже несмотря на мелкие морщинки в уголках серебристых глаз. Иные живые существа приобретают такие через шесть или семь лет с момента вступления в зрелость, но никак не за десять тысячелетий.

И все же многовековые заботы правительницы оставили свой след, а потому время от времени верховная жрица искала успокоения в храме. Запросы Тиранды были скромны – она лишь иногда вымаливала у своей богини час отдыха. Здесь, в свете Матери-Луны, жрица всегда обретала долгожданный покой и забывала о бедах. И все же сегодня ей никак не удавалось унять тревогу. Тиранда прекрасно понимала, в чем дело. Она сильнее сосредоточилась и…

…удивленно выдохнула. Мягкий свет луны внезапно стал ярким, ослепительным и впервые в жизни причинял боль глазам.

Мир вокруг стремительно менялся. Из тишины пустого храма Тиранда переместилась в какую-то темную пещеру с земляными стенами и сразу поняла, что это обитель друидов. Очертания подземного зала проступали постепенно, словно кто-то невидимый зажигал огни. Тиранда разглядела мешочки с травами, перья, зубы и прочие объекты, собранные с тел бесчисленных животных Азерота. В глаза ей бросились и символы. Некоторые казались знакомыми, смысл других ускользал.

По телу Тиранды побежали мурашки. Она прекрасно понимала, что это за обитель, но боялась признаться в этом даже самой себе.

Вдруг из тьмы выступила еще одна жрица Элуны. Тиранда узнала ее юное лицо с тонкими чертами и сразу вспомнила имя – Меренда. Она была моложе верховной жрицы, но уже успела снискать уважение среди последовательниц Матери-Луны.

Следом за Мерендой появилась вторая жрица, которую Тиранда тоже помнила, а потом еще одна. Казалось, ночные эльфийки были чем-то опечалены и шли, низко склонив головы. Все трое носили одинаковые простые одеяния серебристого цвета с капюшонами. Неудивительно, ведь, в отличие от прочих служительниц храма, они проводили большую часть времени среди друидов. Лишнее подтверждение тому, что это и в самом деле подземная обитель, дом верховного служителя природы.

Тиранда против воли проследила направление обеспокоенных взглядов трех жриц. На ложе, сплетенном из травы, омытом серебристым светом Элуны, покоилось неподвижное тело. Сердце Тиранды невольно забилось сильнее, хоть ей давно полагалось привыкнуть к этому зрелищу.

Даже в состоянии покоя гордое лицо казалось серьезным. Время и печали оставили на нем куда больше следов, чем на коже самой Тиранды. Длинные зеленые волосы друида, расчесанные заботливыми руками жриц, покоились на груди, сплетаясь с густой бородой. Широкие изогнутые брови придавали лицу задумчивое и суровое выражение.

Он, хоть и не по собственной воле, был одет гораздо богаче своих собратьев: массивные наплечники с выступающими шипами, наручи и поножи приличествовали высокому положению

нию среди друидов. Все части доспехов были вырезаны из дерева (увядшего, конечно же, ведь иначе это было бы неуважением к природе), но при этом, будучи изготовленными при помощи магии, служили гораздо дольше, чем металлическая броня, и отличались невероятной прочностью. Тело друида до самых обутых в сандалии ступней прикрывала длинная мантия без рукавов с узорами из листьев по бокам и синей полосой с полумесяцами по подолу – то была дань уважения богине Элуне.

Малфурион Ярость Бури, верховный друид, лежал совершенно неподвижно, и в его золотистых глазах застыло отсутствующее выражение.

Тиранда не могла оторвать взгляд от своего возлюбленного. Ее ноги внезапно ослабели. Как кто-то столь яркий и полный энергии мог выглядеть таким безжизненным, потерянным? Тиранда слабо улыбнулась при мысли о том, что даже сейчас Малфурион казался величественным. Была в его благородной внешности деталь, которая сразу же привлекала внимание – могучие рога высотой более чем полметра, выраставшие из лба и тянувшиеся вверх. Дар самого Кенария. Среди друидов было мало тех, кто удостоился благословения самого полубога-кентавра, и, без сомнения, самый могущественный из них покоился в этой пещере.

Тиранда совсем не удивилась, когда у Малфуриона стали расти рога. Они казались лишь подтверждением великой силы, которая всегда в нем ощущалась.

– Малфурион, – прошептала Тиранда, хоть и знала, что возлюбленный этого не услышит. – О, мой Малфурион! Почему же ты снова меня покинул?

Она внимательно наблюдала за тем, как жрицы, встав на колени, прикоснулись ко лбу и груди верховного друида. Тиранда сама некоторое время назад приказала им проводить этот ритуал, ведь только благодаря дару Матери-Луны Малфурион Ярость Бури был по-прежнему жив. Жрицы изо дня в день поддерживали силы друида, тщетно надеясь, что однажды он пробудится и душа, затерянная в глубинах *Изумрудного Сна*, вернется в тело.

Больше всего на свете Тиранде хотелось покинуть обитель. Зачем Элuna терзала ее такими видениями? Они приносили с собой лишь тревогу и болезненные воспоминания. Тиранда не могла смотреть на Малфуриона, понимая, что, возможно, он потерян для нее навсегда.

Жрицы понуро отступили. Изо дня в день они ухаживали за верховным друидом и прекрасно знали свои обязанности.

Вдруг кожа Малфуриона потемнела.

Три ночных эльфийки как будто ничего не заметили. Тиранда же бросилась к верховному друиду, пройдя сквозь жриц, словно они были сотканы из бесплотного тумана. Ее волновала только странная и пугающая перемена, произошедшая с Малфурионом.

Не в силах даже прикоснуться к возлюбленному, Тиранда могла лишь беспомощно наблюдать за его чудовищным преображением. Кожа верховного друида потемнела и теперь больше напоминала древесную кору. Руки и ноги превратились в подобие ветвей. Волосы и борода скрылись под слоем черной листвы с зазубренными краями, медленно качавшейся, как будто от ветра, неизвестно откуда взявшегося в подземной обители.

Золотистые глаза Малфуриона посветлели и засеребрились, как когда-то давно, в юности, а после глубоко запали, превратившись в черные безжизненные провалы.

Внимание Тиранды, хоть она и сама не сразу поняла, почему, привлекло покачивание листьев. Было что-то знакомое в их ритмичных движениях. А потом жрица различила едва слышный пульсирующий звук, который постепенно нарастал, отдаваясь в ушах.

Биение сердца!

Тиранда нервно огляделась по сторонам, но, похоже, остальные ничего не слышали. Звук, между тем, делался все громче, набирая силу. Наконец он стал оглушительным, листья затрепетали сильнее, а потом...

Потом все стало затихать. Сначала перемену было трудно заметить, но с каждым мгновением ритм становился все медленнее, и ветер, шелестевший листьями, как будто начал исчезать.

Невидимое сердце, казалось, готово было остановиться!

Тиранда в ужасе протянула руку к Малфуриону и...

Обитель друидов растворилась в воздухе. Верховная жрица оказалась в полной темноте и тишине.

Тиранда поняла, что крепко зажмурилась. Она выдохнула, открыла глаза и заморгала, привыкая к свету Элуны. Вокруг проступали очертания храма и величественной статуи Эйден. Все оставалось неизменным, и Тиранда осознала, что на самом деле отвлеклась лишь на долю секунды.

Однако меньше всего ее беспокоило собственное самочувствие. Видение – вот что важно! За прошедшие века богиня Элуна лишь несколько раз даровала жрице подобные грезы, и к каждой из них следовало прислушаться. Но никогда еще они не несли столь тревожных вестей.

Теперь стало ясно, что Малфурион, несмотря на все старания жриц и верных последователей, стремительно угасал.

Буревестник приблизился к острову и с силой взмахнул широкими крыльями. Коричневые перья этой могучей птицы отливали на концах серебристо-серым, голову венчал округлый гребень все того же серебристого оттенка, по бокам украшенный двумя хохолками. Буревестник выглядел крупнее своих собратьев и при этом казался мудрым, взирая на мир с высоты своих почтенных лет. Внимательные глаза птицы оттенка серебра подмечали каждую деталь.

Несмотря на густой туман, буревестник с легкостью ориентировался в ночном небе. Он явно летал в этих местах не первый раз. Вдалеке над морем мелькнула вспышка молнии, и буревестник обратил зоркие глаза вниз, выискивая очертания острова.

Порыв ледяного ветра налетел неожиданно, будто пытаясь отогнать одинокого путешественника, предупредить, что продолжать путь неразумно. Но буревестник не сбился с курса и полетел дальше, сражаясь с самой природой. Он стремительно приближался к своей цели.

Вдруг туман рассеялся, словно чья-то невидимая рука раздвинула тяжелый занавес, и в поле зрения наконец-то появились остров и главная достопримечательность, в честь которой он получил свое название. Пожалуй, издалека путник, видевший это место впервые, мог бы подумать, будто перед ним какая-то огромная величественная скала с удивительно прямыми склонами и вершиной, терявшейся среди облаков. Однако в светлое время суток и в погоду куда более ясную, чем та, которую застал буревестник, легко было понять, что это вовсе не гора и даже не сооружение, построенное руками живых существ, а нечто еще более удивительное – гигантское дерево.

Оно занимало большую часть и без того довольно обширного острова, а в его корнях расположилась портовая деревня, которую ночные эльфы называли Рут'теран. Таким образом, остров был лишь домом для невообразимого гиганта, в честь которого и был назван. Домом Тельдрассила, второго Мирового Древа.

Десять тысяч лет назад ночные эльфы, утратившие Источник Вечности, главное сосредоточение своей силы, вырастили на горе Хиджал первое Мировое Древо, Нордрассил. Оно служило двум целям – скрывало под собой новый Источник Вечности, созданный благодаря хитрости Иллидана Ярости Бури, и в то же время ограничивало его мощь. Так, чужаки не смогли бы воспользоваться разрушительной магией Источника и обратить ее во вред. Нордрассил благословили три драконьих Аспекта – Хранительница Жизни Алекстраза, Ноздорму Безвременный и Изера, Королева Сновидений. Огромное дерево не просто уберегало Азерот от многочисленных опасностей, но и превратилось в источник силы и бессмертия для всего народа ночных эльфов.

Нордрассил процветал много веков, но меньше десятилетия назад все изменилось. Пылающий Легион, способствовавший уничтожению Источника Вечности, вновь вторгся на Азерот, и началась кровопролитная война. По иронии судьбы, демоны, которые вынудили ночных эльфов посадить на горе Хиджал росток Мирового Древа, едва его не уничтожили. С ослаблением Мирового Древа ночные эльфы потеряли свою легендарную силу и, что хуже всего, лишились бессмертия! Корни Нордрассила медленно восстанавливались, но утрату это не восполнило.

Решение нашел Фэндрал Олений Шлем, который склонил друидов на свою сторону и, вопреки опасениям, вырастил второе Мировое Древо, Тельдрассил.

Буревестник, приблизившись к дереву, набрал скорость. Хоть Тельдрассил уступал Нордрассилу в великолепии, никто не решился бы отрицать, что новое Мировое Древо было настоящим чудом природы, рожденным благодаря мастерству друидов, овладевших магией Азерота. Ствол Тельдрассила был обширнее иных земель. Однако его великолепие затмевала густая зеленая крона, раскинувшаяся, казалось, вдоль всего горизонта.

Буревестник, что-то заметив, чуть склонил голову набок и пригляделся повнимательнее. В просветах между могучими ветвями дерева мелькали каменные строения и виднелись верхушки зданий.

Буревестник пролетел дальше над небольшими поселениями. Сквозь листву на мгновение сверкнуло озеро. Сколько чудес таилось меж гигантских, искривленных ветвей Тельдрассила! Впереди виднелась вершина горы.

Буревестник поднялся к верхним ветвям дерева и подлетел к очередному чудесному творению. Казалось, что это место озаряется не только обычными факелами, но и частицами лунного света.

Внизу раскинулся удивительный Дарнас, столица ночных эльфов. Даже издалека было ясно, что он не уступает столь легендарным местам, как населенный людьми Штормград или город орков Оргриммар.

Мировое Древо питало своими соками реки, ручейки и озера, серебрившиеся в его могучих ветвях. Одно из озер было столь обширным, что из его вод поднимался сам город Дарнас. По задумке ночных эльфов, живительная влага наполняла великолепные Храмовые Сады и живописные каналы. Дальше на севере, на другом берегу, в тени деревьев раскинулся Анклав Кенария – святилище, построенное друидами. Однако буревестник направился в другую сторону, миновав и Дарнас, и другие поселения, скрытые в густой листве Мирового Древа. Тельдрассил был прекрасен, но птица направлялась совершенно в другое место.

Огромный буревестник резко пикировал и, повинуясь инстинктам, буквально в десяти метрах от земли развернул крылья, чтобы замедлить падение. Затем он выпустил массивные когти и выбрал место, чтобы приземлиться.

Но, не успев коснуться твердой поверхности, буревестник внезапно увеличился в размерах и в считаные секунды стал выше любого человека. Лапы с когтями увеличились в размерах, удлинились, а затем превратились в ноги, обутые в сандалии. Крылья вытянулись, и на их концах выросли пальцы. Перья на голове сменились густыми зелеными волосами, туго стянутыми на макушке, и длинной бородой, ниспадавшей на укрытую плащом грудь.

Птичьи черты преобразились до неузнаваемости – клюв стал носом и широким ртом с сурово сжатыми губами. Черное оперение исчезло, и под ним обнаружилась темно-фиолетовая кожа, столь характерная для обитателей здешних мест.

Бролл Медвежья Шкура, сбросивший облик буревестника, был ночным эльфом, в котором любой узнал бы друида. Однако по могучему телосложению он гораздо больше напоминал воина. Тяготы и бесчисленные трудности не прошли бесследно, но собратья-друиды по-прежнему принимали его за своего.

Бролл огляделся по сторонам. Друидов не было видно, но он, тем не менее, ощущал, что они где-то поблизости. Что ж, это даже хорошо. Прежде чем присоединиться к собратьям, Броллу хотелось немного побывать наедине с самим собой.

Мысли буквально роились у него в голове, и большинство из них касалось шан'до, мудрого учителя. Каждый раз, возвращаясь в Тельдрассил, Бролл размышлял, что без шан'до он ни за что не стал бы тем, кем являлся сейчас, пусть и друидом этот могучий ночной эльф считал себя никудышным. На самом деле, все они, даже Фэндрал, прибыли сюда на срочный совет исключительно ради учителя, легендарного Малфуриона Ярости Бури.

Малфурион был не просто лидером, но и первым из смертных друидов Азерота, обуравшимся у самого полубога Кенария. Тысячелетия назад хранитель леса оценил уникальные качества юного ночных эльфа – особую связь с окружающим миром – и развил его таланты. Но, даже не успев завершить обучение, Малфурион стал одним из главных участников первой кровопролитной войны с демонами и предателями своего народа, в числе которых оказалась сама королева ночных эльфов Азшара и ее подлый советник Ксавий. Многие полагали, что именно Малфурион помог спасти Азерот от уничтожения.

Вот уже много поколений легенды о его подвигах передавались из уст в уста. Сколько раз Малфурион жертвовал собой, теряя целые столетия жизни ради спасения мира и своего народа. Он преуспевал там, где прочие терпели поражение, и принимал каждую битву близко к сердцу. В конце концов, Малфурион стал не только защитником природы, но и непревзойденным воином.

Как только надежда на то, что в Азероте воцарится мир, окрепла, верховный друид собрал своих последователей и попытался возвратить их к изначальному пути. Прошлое осталось в прошлом, а будущее представлялось волшебной тайной, которую еще предстоит раскрыть, действуя методично и размеренно. Малфурион повторял, что потеря бессмертия пойдет на пользу ночных эльфам, и они наконец-то станут частью жизни, кипящей на Азероте, прекратив быть пассивными наблюдателями.

– Малфурион... – пробормотал Бролл Медвежья Шкура.

Шан'до изменил жизнь Бролла, как никто другой, изменил в буквальном смысле. Друид был многим обязан Малфуриону и все же наравне с остальными был бессилен уберечь учителя от страшной судьбы.

Бролл моргнул, возвращаясь в настоящее. Он ощутил чье-то присутствие и догадался, кто это, даже до того, как успел повернуться. Даже запах у вновь прибывшего был особым.

– Да благословит тебя лес, Бролл Медвежья Шкура, – прогрохотал он. – Я сразу понял, что ты рядом, и надеялся с тобой увидеться!

– Верховный друид Хамуул Рунический Тотем, быстро же ты добрался сюда из Громового Утеса! – ответил Бролл.

Встреча оказалась неожиданной, но очень приятной.

Облик Бролла сразу выдавал в нем друида, чего нельзя было сказать о Хамууле Руническом Тотеме. Он был шире в плечах и крупнее своего друга, лишь отдаленно напоминая ночных эльфов или людей. В отличие от остальных друидов, он носил свободные одежды своего племени – кожаное наплечье, соединявшееся двумя длинными красными ремнями с красным же килтом, – запястья украшали красные, золотистые и синие полоски.

Однако сильнее всего Хамуула отличало от Бролла и прочих ночных эльфов то, что сам он был *тауреном*. Его ноги заканчивались мощными раздвоенными копытами, а голова, как и у всех представителей этого народа, напоминала бычью. Впрочем, вслух о таком лучше не говорить – слишком велик риск для жизни. В носу Хамуул носил церемониальное кольцо, а голову его венчали искривленные и выдающиеся вперед рога.

Рост друида, хоть он, как все тауреды, слегка горбился, был больше двух метров, а в тонкой серо-коричневой шерсти виднелась седина. Бролл припомнил, что в их первую встречу

она не так сильно бросалась в глаза. Хамуул заплел волосы (тоже седеющие) в две толстых косы длиной до груди. Друидом он стал довольно поздно и не без участия Малфуриона Ярости Бури. Хамуул – первый таурен-друид почти за двадцать поколений, и, хотя теперь многие из его народа пополнили ряды защитников природы, едва ли кто-то мог сравниться с ним в мастерстве.

– Мое путешествие было спокойным. Это даже странно, – заметил Хамуул. Он прищурил светло-зеленые глаза под густыми бровями так, словно хотел что-то добавить, но не решался.

Бролл кивнул, вскользь подумав о том, как его примут остальные друиды. С самого детства на Бролла возлагали огромные ожидания, а все из-за одного-единственного сходства с Малфурионом, сходства, которое всегда было для Бролла символом его неудачи.

Рога, выраставшие из его висков, гордо выдавались вверх на полметра. Конечно, они никогда не сравнились бы с главным отличительным признаком верховного друида, и все же неизменно привлекали внимание. Рога появились у Бролла в раннем детстве и, хоть были тогда совсем крохотными, казались окружающим знаком будущего величия. Уже тогда юному эльфу без устали твердили, что однажды о его подвигах будут слагать легенды.

Но, хоть все вокруг и считали злосчастные рога великим даром, сам Бролл расценивал их исключительно как проклятье и до сих пор был убежден, что жизнь лишь доказала его правоту.

Какая же польза от этих рогов, раз они ничем не смогли помочь в самое страшное, решающее мгновение – когда Бролл пытался отразить чудовищный написк демонов и оживших мертвецов, повиновавшихся зловещему властителю преисподней Азгалору? Да, он был прав – злосчастные рога не принесли ничего, кроме разочарования. Сила Бролла тогда возросла многократно благодаря идолу Ремула. Друид пожертвовал собой и безжалостно убивал врагов, давая возможность товарищам объединиться с основным войском.

Но и с этой задачей он не справился. Силы подвели Бролла, и Азгалор, умелый воитель, наконец пробил его защиту оскверненным клинком, носившим имя Злоба. Острый конец меча вонзился в идол Ремула, и Бролл утратил над ним контроль. Артефакт тут же подвергся влиянию Скверны, а вся его мощь обратилась против последней защитницы, сражавшейся на стороне Бролла…

Друид множество раз, и особенно после того ужасного случая, собирался избавиться от рогов и даже сжечь самые их корни, чтобы те не выросли снова, однако ни разу так на это и не решился.

Вдруг Бролл осознал, что Хамуул все это время терпеливо молчал и внимательного его разглядывал.

– Она всегда будет рядом. Знай, духи погибших близких присматривают за нами, – пророкотал таурен.

– Я думал о другом, не об Анессе, – ответил ночной эльф, но это было ложью.

Хамуул дернулся ушами.

– Тогда прими мои глубочайшие извинения за то, что упомянул о ней.

Бролл только отмахнулся.

– Ничего страшного, – пробормотал он. – Идем, остальные уже наверняка собираются у портала, как того требует обычай.

– Но ведь собрание будет проходить не в Анклаве Кенария, – нахмурился Хамуул. – Фэндрал выбрал другое место и настоял, чтобы все собирались на совет прямо вон там, на другой стороне. Ты разве не знал?

– Нет, – покачал головой Бролл. Он не собирался оспаривать решения верховного друида.

В конце концов, их глава Фэндрал Олений Шлем всегда желал защитникам природы только добра. Если он решил, что им следует собраться вдали от Дарнаса, значит, так тому и быть. Наверняка ведь есть веская причина, по которой…

И вдруг Бролл все понял. Возможно, Фэндрал нашел способ спасти шан’до!

— Идем, — сказал он. Теперь ему не терпелось поскорее добраться до места.

Надежда, зарождавшаяся каждый раз, когда Бролл Медвежья Шкура посещал Тельдрасил, окрепла, ведь, возможно, Фэндралу действительно удалось выяснить, как уберечь Малфуриона от беды.

А если нет... Ночной эльф содрогался от одной мысли о том, что ждет друидов (и ждет ли вообще хоть что-то) без их мудрого учителя.

2

Совет друидов

Картограф Лукан Фоксблад не спал уже много дней. То был не только его личный выбор, но и суровая необходимость. Лукан изо всех сил старался свести к минимуму и без того непродолжительные мгновения отдыха, ведь любая остановка в бесконечном путешествии была связана с риском провалиться в сон. Порой из-за этого светловолосый картограф не мог сделать ни шагу – ноги подгибались, и он падал на землю, буквально теряя сознание.

А уж эти кошмары... Кошмары, которые теперь мучили многих жителей мест, где Лукан побывал, – от Златоземья и Западного Края до его родного Штормграда.

Внешне Лукан, которому было чуть за тридцать, напоминал отставного солдата, хотя на самом деле никогда не участвовал в сражениях. Вот только теперь он выглядел так, словно оказался в самом эпицентре войны. Одежда Лукана, некогда темно-коричневая, приобрела грязный оттенок, тончайшая вышивка на плечах туники и по бокам штанов изрядно обтрепалась, а кожаные сапоги покрылись пятнами и растрескались.

Сам картограф выглядел немногим лучше. Тяготы путешествия не лучшим образом отразились на благородной внешности – из-за чрезвычайной бледности и неопрятной бороды, нестриженной много дней, Лукан напоминал медленно разлагающегося мертвеца из армии Плети, и лишь по-кошачьи зеленые глаза свидетельствовали о том, что их обладатель еще жив.

За время тяжких скитаний картограф потерял инструменты и даже рюкзак, в котором хранились все его скучные припасы, включая одеяло. Лукан не мог припомнить название последней деревни, где нашел приют. Он давно позабыл, какой была жизнь до всех этих тревожных снов, а иногда даже сомневался, реальны ли эти воспоминания или же рождены кошмарами.

Местность, по которой путешествовал картограф, заросла густыми лесами, но его это мало волновало. В нынешнем состоянии он едва ли заметил бы даже алмазные горы. Лукан Фоксблад знал только одно – нужно идти вперед, чего бы это ни стоило.

Он моргнул впервые за несколько минут, и пейзаж тут же изменился до неузнаваемости.

Все вокруг пестрело изумрудно-зеленым с легкими оттенками нежно-голубого. Густой туман укутывал пошатывающегося картографа, словно толстое одеяло. Опознавательные знаки, на которые можно было ориентироваться, исчезли, и мир теперь больше напоминал незавершенный набросок художника. Но Лукан, не замечая удивительных перемен, брел вперед.

Он снова моргнул, и цветовая гамма сменилась на более привычную, вот только место теперь было другим, совсем не похожим на густой лес, по которому картограф бродил прежде. Да, здесь тоже росли деревья, а вот поселения, видневшегося теперь вдалеке, раньше не было. Воздух пах морем, но Лукан обратил на это не больше внимания, чем на мрачную тень, поглотившую окрестности. Он прошел мимо каменного указателя, надпись на котором прочитать бы все равно не смог. Однако эту надпись отлично понял бы ночной эльф: увидев ее, он узнал бы, что приближается к Аубердину.

Друиды брали к месту собрания, о котором сообщил Хамуул, низко опустив головы и сражаясь с холодным, пронизывающим ветром, словно с беспощадным врагом. Хамуул всю дорогу молчал и лишь однажды что-то раздраженно проворчал, как будто разделяя растущее в душе Бролла беспокойство.

Шелест листьев внезапно стал еще громче. Бролл с любопытством взглянул вверх и пораженно замер, в ужасе распахнув глаза.

Тельдрассил изменился до неузнаваемости! На могучих ветвях Мирового Древа по-прежнему было много листьев, вот только некоторые из них высохли и сморщились, другие покрепели и свернулись в трубочку, а те, что сохранили свой естественный зеленый цвет, покрылись острыми шипами.

Откуда-то издалека Бролл слышал голос Хамуула, но не мог оторвать взгляда от листвы, продолжавшей скручиваться и чернеть. Он заметил, что и плоды дерева тоже стали меняться. С узловатых ветвей свисали круглые, неестественно бледные ягоды размером с его голову и даже больше. От них исходило зловоние гнили. Даже в страшный голод друиды и ночные эльфы ни за что не решились бы употребить такое в пищу!

Чудовищное преображение затронуло все дерево. Кора Тельдрассила во многих местах потрескалась, и в трещинах виднелись пульсирующие вены, по которым тек черный сок – сперва тонкой струйкой, а потом неудержимым потоком. Над Мировым Древом летали крошечные насекомые, из ствола выползали бесчисленные многоноожки и прочие гады. Ясно было, что изнутри влияние порчи еще более чудовищно.

– Нет, – пробормотал Бролл. – Нет...

От Тельдрассила распространялась тьма, поглощая мир вокруг. Ночному эльфу даже не потребовалось обворачиваться, чтобы понять: тьма проникла далеко за пределы острова и уже добралась до материка, заражая порчей другие земли.

Вдруг послышался звук начиナющегося ливня. Бролл оторвал взгляд от оскверненного ствола и приглядился к кроне дерева.

То, что он принял за стук дождевых капель, оказалось громким шелестом листьев. Ветви Тельдрассила раскачивались с такой силой, словно пытались избавиться от зловещей листвы. И у них получалось: тысячи гниющих листьев падали на землю. Это действительно можно было назвать ливнем, только без воды.

Листья преображались прямо в воздухе, превращаясь в крохотных черных и изумрудных созданий, отдаленно напоминавшихочных эльфов, но с лапами зверей и спинами сгорблеными, как у тауренов. Они не до конца оформились и пока выглядели лишь как жуткие силуэты без ясных черт, но уже теперь видно было, что небольшие головы этих фигур венчали изогнутые рога. С раздражающим шипением гадкие создания нескончаемым потоком устремились к двум друидам...

– Бролл Медвежья Шкура! Ты в порядке?

От неожиданности ночной эльф даже пошатнулся, а когда успокоился и открыл глаза, сразу понял, что Мировое Древо теперь выглядит вполне привычно, как прежде. Ветви были неподвижны, листья на них сверкали зеленью.

Хамуул, явно обеспокоенный, подошел ближе. Бролл запоздало кивнул в ответ. Вдруг раздался звук рога, избавивший ночного эльфа от мучительных попыток осознать и объяснить только что увиденное.

– Пора идти, – поторопил Бролл. – Совет вот-вот начнется.

Таурен удивленно моргнул и отправился следом. Через несколько мгновений они добрались до места, где Фэндral должен был провести совет.

Здесь уже собралось гораздо больше друидов, чем в прошлые разы, а новые участники все продолжали прибывать. Внимание Бролла привлекли двое – молодая эльфийка мрачного вида, беседовавшая с эльфом, который хоть и держался уверенно, прямо-таки излучая мощь, но все же постоянно сжимал руки в кулаки, как будто из-за чего-то нервничал. Элерет Дикая Лань и Нааралекс делили общие невзгоды, пусть и по разным причинам. Во время последней войны между Альянсом и Ордой Элерет отчаянно пыталась спасти флору и фауну Альтеракской долины, однако ей так и не удалось предотвратить кошмар, спровоцированный не только двумя враждующими армиями, но и действиями орка-шамана. Как только война закон-

чилась, Элерет поклялась восстановить природу долины. С тех пор прошло несколько лет, но ее попытки так и не увенчались успехом.

Нааралекс же попытался возродить жизнь на давно высохшей земле и в итоге стал жертвой собственного честолюбия. Этот ночной эльф вместе с небольшой группой единомышленников отправился в опустошенные Степи. Там он сотворил хитроумное заклинание, с помощью которого сумел извлечь глубоко из-под земли воду и создать на сухой почве несколько небольших оазисов. Но затем некая злая сила взяла под контроль не только его творения, но и самого Нааралекса вместе с некоторыми последователями. Оказавшись в ловушке, друиды поддались *порче* и стали искаженными, жестокими созданиями, которые жаждали распространить тьму. Нааралекс же долгое время балансировал между безумием и реальностью и был обязан своим спасением неожиданно подоспевшим героям.

К сожалению, даже восстановив свой разум, он так и не разобрался, что именно поработило его самого и других друидов. В Степях теперь все было спокойно, но Фэндрал запретил Нааралексу и остальным друидам возвращаться в это место. Верховный друид не видел смысла рисковать жизнями и тратить силы ради восстановления места, которое превратилось в пустыню во время Великого Раскола, последовавшего за Войной Древних. Фэндрал полагал, что даже такие места нужны на Азероте.

Прибытие Бролла и Хамуула не осталось незамеченным, и вскоре взгляды Элерет, Нааралекса и нескольких других обратились к ним. Бролл ощущал новый прилив стыда. Чем ближе друид к природе, чем отчетливее слышит ее зов, тем выше вероятность, что его глаза приобретут золотистый оттенок, символизирующий жизненную силу Азерота. Этим даром были отмечены все великие друиды.

Однако глаза Бролла Медвежьей Шкуры так и оставались серебристыми с едва заметным голубым отблеском, и это лишний раз напоминало о его неудачах.

Бролл подавил горечь и направился было к Элерет и Нааралексу, но тут рог затрубил во второй раз. Все собравшиеся одновременно развернулись к источнику звука. Друид с зеленою повязкой на левом запястье опустил козий рог и развернулся к Тельдрассилу.

Неровная кора в том месте, на которое он смотрел, вдруг подернулась рябью. Бролл содрогнулся, вспомнив свое жуткое видение. Затем в стволе появилась расселина, в которую с легкостью смог бы пройти ночной эльф. Вот только теперь она служила скорее выходом.

Из глубины древа появился Фэндрал Олений Шлем и с достоинством истинного лидера прошествовал сквозь ряды своих последователей. Все почтительно склонили головы. Сверкая золотистыми глазами, он кивнул собравшимся. Фэндрал одевался гораздо скромнее большинства ночных эльфов-друидов. Его торс был обнажен, не считая деревянных наплечников в форме звериных голов с сияющими глазами, руки до локтей защищали тканые перчатки без пальцев с окантовкой из дерева. Обуви Фэндрал не носил, демонстрируя таким образом свою связь с природой. Единственным знаком отличия был великолепный пояс с крупной рубиновой пряжкой и декоративным кольцом, украшенным резьбой. Килт из простой ткани был дополнен длинными отрезами древесной коры.

– Лес – это источник жизни нашего мира, – нараспев произнес Фэндрал.

– Лес – это источник жизни нашего мира, – повторил Бролл вместе с остальными друидами.

– Тельдрассил – это источник жизни нашего мира.

Друиды снова пропели слова хором, вторя своему лидеру.

– Я счастлив, что столь многие быстро откликнулись на мой зов, – продолжил верховный друид. – К сожалению, худшие опасения подтвердились. Тельдрассил болен...

Услышав это, друиды тревожно переглянулись.

На самом же деле слова Фэндрала никого не удивили, однако столь явное признание из уст верховного друида все равно повергло собравшихся в ужас. К созданию Тельдрассила при-

ложили руку почти все друиды Азерота. Тем не менее, решение его вырастить всецело принадлежало нынешнему лидеру защитников природы, и именно он больше остальных заботился о благополучии могучего дерева.

Фэндрал Олений Шлем первым предложил посадить новое Мировое Древо, однако Малфурион не раз ему в этом отказывал. И все же, несмотря на разногласия, верность Фэндrala общему делу не подлежала сомнению. Как только стало ясно, что с Малфурионом случилось нечто ужасное, Олений Шлем не остался в стороне и почти единогласно был избран новым лидером друидов. Своей главной задачей он считал спасение мудрого шан'до.

Самые опытные друиды Круга Кенария во главе с Фэндралом держали совет и решили, что безжизненное тело Малфуриона должно оставаться в обители под священной Лунной поляной. Так, благодаря энергии природы и неусыпному надзору Сестер Элуны, владевших тайными магическими знаниями, телесная оболочка верховного друида оставалась в добром здравии, не страдая от голода и жажды. Все это вселяло в друидов надежду, что могущественный дух Малфуриона сможет вернуться в тело без посторонней помощи.

Однако Фэндрал не слишком на это рассчитывал. Круг Кенария изо всех сил стремился не просто поддерживать жизнь в теле шан'до, но и вернуть его дух. Впрочем, ни одна из попыток пока не увенчалась успехом. Защитники природы даже обратились за помощью к Изере, покровительнице Изумрудного Сна и великому Аспекту зеленых драконов, но и здесь не преуспели. Даже сама *Дремлющая*, как называли ее друиды, не сумела установить связь с Малфурионом.

Все это до недавнего времени держалось в тайне от народаочных эльфов и даже большинства Сестер Элуны и друидов. Тем не менее у многих возникли вопросы, и Фэндрал против воли был вынужден рассказать о трудной ситуации хотя бы другим друидам, если не всему народу. Именно поэтому столь многие и пришли на этот срочный совет. Броллу казалась, будто все собравшиеся, как и он сам, теперь гадали, не собирается ли Фэндрал рассказать что-то о возможном спасении Малфуриона.

И все же болезнь Тельдрассила – не менее, а быть может, и более важная причина для столь срочного собрания. Мировое Древо представляло невероятную ценность дляочных эльфов, ведь изначальной целью его существования было возвращение бессмертия и былого могущества. Однако Фэндрал не раз говорил о том, что только благодаря магии Тельдрассила они смогут отыскать дух своего истинного лидера и вызволить его из Изумрудного Сна.

«Но если Мировое Древо действительно подверглось порче...» – подумал Бролл и нахмурился. Оглянувшись, он увидел, что Хамуул и прочие друиды явно разделяют его опасения.

Фэндрал прошелся среди последователей, и его проницательный взгляд на миг задержался на Бролле. Тот вновь устыдился своих неудач, хоть верховный друид вряд ли хотел об этом напомнить. Едва ли страшные воспоминания когда-нибудь перестанут терзать Бролла...

Фэндрал по-отечески улыбнулся.

– Однако не стоит впадать в отчаяние, друзья мои, – сказал он. – Я собрал вас не для того, чтобы говорить о плохом.

– Значит, есть еще надежда? – робко спросил один из друидов.

– И не только! – провозгласил Фэндрал. – Я собрал вас здесь, у корней Тельдрассила, чтобы рассказать, как вы можете помочь в исцелении Мирового Древа! – он ободряюще улыбнулся. – Как только Тельдрассил восстановится, мы сможем вернуться к первостепенной задаче – поискам Малфуриона Ярости Бури...

– Но как нам спасти Тельдрассил? – подал голос другой друид.

– С помощью одного артефакта, – верховный друид вытянул руку, в которой держал знакомый всем предмет. Увидев его, Бролл удивленно и испуганно выдохнул.

Фэндрал сжал в ладони идол Ремула!

Название этого артефакта легко могло сбить с толку, ведь на самом деле он никак не напоминал того, чье имя носил. Украшавшую тотем фигуру зеленого дракона с разверстой в рыке пастью создал Хранитель Ремул, бессмертный сын Кенария, который имел не менее впечатляющую внешность, чем отец. Нижняя часть его тела завершалась крупом и ногами величественного оленя с массивными раздвоенными копытами, а верхняя – мощным торсом ночного эльфа-друида. Как и Кенарий, Ремул был наполовину лесным зверем, но на этом сходства отца и сына заканчивались. Вместо пальцев на левой руке Ремула были когти из дерева, а листья и мох заменяли ему волосы и бороду.

Ремул был хранителем Лунной поляны. Хоть бессмертный друид уже некоторое время и не появлялся на подобных советах, Бролл ожидал, что на этот раз он все же почтит их своим присутствием. По слухам, Ремул занимался поисками Малфуриона отдельно от остальных.

Ясно одно: сегодня Фэндрал принес идол вовсе не для того, чтобы любоваться его красотой. Этот мощный магический артефакт мог усилить заклинания друидов, и все бы хорошо, но однажды это уже привело к катастрофе.

Бролл не смог сдержаться и все-таки рискнул высказаться:

– Верховный друид, при всем уважении, но... стоит ли прибегать к помощи идола?

Фэндрал смерил его суровым взглядом.

– Я понимаю твои опасения, добрый Бролл. Однако твоей вины в гибели Анессы нет. Ты сделал все, что мог, спас множество жизней и отразил нападение демонов!

Бролл, услышав это, изо всех сил старался не морщиться от стыда, понимая, что на самом деле Фэндрал всего лишь пытался его успокоить. Перед внутренним взором тут же возникло решительное лицо человека с темными волосами и глазами, в которых можно было прочесть столь сильную боль утраты, что перед ней меркли даже потери самого друида. Вариан Ринн был рядом в тот день, когда Бролл отправился к фурболгам, чтобы забрать тотем Ремула. К тому моменту их, бывших рабов и гладиаторов, уже связывала крепкая дружба. Вариан, потерявший память и даже не подозревавший о том, что его возвращения ждет целое королевство, без тени сомнения вызвался помочь друиду.

Отвернувшись от Бролла, Фэндрал поднял идол и указал на Тельдассил.

– Однажды нам удалось вырастить из крохотного семени удивительное, гигантское Мировое Древо! Это стоило огромных усилий, но мы были с лихвой вознаграждены, обретя новый дом, богатый источник пищи и воды, а также защиту от врагов.

Друиды согласно закивали. Бролл же обратил внимание на то, что Фэндрал не упомянул бессмертие, которое их народу до сих пор так и не удалось вернуть, даже несмотря на то, что Мировое Древо полностью выросло. Наверное, верховный друид счел эту тему слишком болезненной.

Между тем, Фэндрал направил идол на одного из ночных эльфов, стоявших ближе всего. Тот непроизвольно отшатнулся.

– Но, подарив нам столь многое, Тельдассил оказался в уязвимом положении. Мы должны исцелить Мировое Древо от болезни! А взамен оно поможет отыскать путь к шан'до.

Энтузиазм Фэндрала распространился на всех друидов, и вскоре отовсюду послышались возгласы одобрения.

– Кошмар стремительно распространяется, захватывая Изумрудный Сон, – более спокойным тоном продолжил Фэндрал, выразив вслух опасения, терзавшие всех собравшихся. – От Изеры уже некоторое время нет известий, и потому, после нескольких безрассудных попыток, я запретил всем вам входить в Изумрудный Сон, – он оглядел собравшихся, будто ожидая, что кто-то дерзнет возразить, – ибо Малфурион наверняка не захотел бы, чтобы вы жертвовали ради него жизнями.

Фэндрал приложил руку к груди, а затем начертил в воздухе круг с двумя вертикальными изгибающимися полосами, символизирующими рога покровителя друидов. То был знак Круга Кенария.

После этого все друиды взялись за руки и стали готовиться к ритуалу. Бролл очистил разум от мирских забот, столь свойственных простым смертным, и погрузился в транс. Хамуул, стоявший рядом, сделал то же самое.

Фэндрал между тем развернулся к Тельдассилу, прикоснулся свободной рукой к могу-чему стволу и провел пальцами по шершавой коре.

Друиды всем своим существом ощутили, как что-то пробудилось внутри Мирового Древа. Даже Бролл, полностью погрузившийся в транс, не мог не почувствовать присутствие могущественной силы – сам Тельдассил тянулся к тем, кто помог его вырастить.

Мировое Древо представляло собой нечто большее, чем домочных эльфов. Оно было связано с самим Азеротом. Болезнь Тельдассила отразится не только на окрестностях, но и на землях, которые лежат далеко за пределами острова. Порча поразит сам воздух и воды бурных морей. Что бы не случилось с Мировым Древом, это, по меньшей мере, нарушит баланс между природой, между жизнью и смертью.

Земля затряслась, но ни Бролл, ни остальные друиды не выказали страха и остались спокойными, даже когда под ногами зазмеились щупальца. Впрочем, называть их щупальцами неправильно. То были *корни* Тельдассила. Они подобрались к каждому из друидов и, извиваясь, оторвались от земли, словно готовившиеся напасть змеи. Никто не сдвинулся с места. Все понимали, что Тельдассил не желает зла, но лишь просит о помощи.

Особенно крупный корень обвился вокруг Фэндрала, тут же выпустив крохотные отростки. Они оплели тело ночного эльфа до половины, словно лоза.

Впечатляющее зрелище, но для друидов это был один из способов взаимодействия с природой Азерота. Крохотные, невидимые глазу усики проникали внутрь тел, и Мировое Древо таким образом соединялось со своим народом.

Фэндрал вытянул руку с зажатым в ней идолом Ремула. Теперь артефакт источал слабый зеленый свет, напрямую связанный с драконом, в форме которого вырезан и с которым был напрямую связан. Ни одна живая душа (даже сам Ремул), кроме Изеры, не знала, кто именно из рода зеленых драконов дал на это свое благословение. Ясно было лишь, что дракон этот обладал огромным могуществом.

Бролл, ощущив прикосновение магической силы к себе и корню Тельдассила, забеспокоился. И все же вера в верховного друида взяла верх, подавив воспоминаниями о разрушительной силе оскверненного идола.

Магия наполняла разум и душу Бролла. Он стал *единым целым* с Тельдассилом и испытал подлинную эйфорию. Корни Мирового Древа простирались так далеко и глубоко, что Броллу казалось, будто он может окинуть взглядом весь Азерот, выйдя за пределы острова и бескрайнего моря.

Но не успел он погрузиться в это состояние, как вдруг ощущил странный толчок и зарождавшуюся внутри слабость. В этот момент разум Бролла наполнили мысли Фэндрала, который уверял и его, и всех остальных, что ритуал абсолютно безопасен.

Друиды питали Мировое Древо, укрепляя его. Их воля и желание спасти Тельдассил были столь сильны, что Бролл поверил, будто им в самом деле удастся победить поразившую Тельдассил хворь, а после, как и говорил верховный друид, получить помощь в поисках Малфуриона.

При первой же мысли о шан’до Бролл ощущал странную дисгармонию. Мысли наполнила тьма, а еще та же тревога, что и прежде, когда ему явилось видение Тельдассила, охваченного чудовищной порчей. Бролл попытался изгнать неприятное чувство, но оно лишь нарастало.

—*Бролл Медвежья Шкура...* — позвал кто-то, и от былого спокойствия не осталось и следа. Какой знакомый голос! Быть может, это...

Связь с Тельдрассилом оборвалась так резко, что Бролл упал на одно колено, не в силах сделать вдох. Он смутно ощущал присутствие остальных друидов, в том числе и Хамуул. Был ли это его голос? Возможно, Хамуул вновь позвал Бролла по имени, прервав видение? Но нет, слишком уж мало это напоминало реальность, и любые воспоминания о том, как звучал голос, испарились.

Бролл чувствовал себя, как во сне. Сосредоточиться было трудно, разум ускользал в тьму...

Вдруг он ощутил прикосновение Хамуула к плечу. Бролл поднял взгляд. Его обступили друиды, в основном те, кого он считал друзьями.

— Я в порядке, — заверил их Бролл, пытаясь отдышаться. — Простите, что прервал ритуал...

— Ты не виноват, — чуть озадаченно произнес Наралекс, присев рядом. — Хамуул первым заметил, что с тобой что-то не так, и все, кто были поблизости, сразу же подошли, но ты никак не реагировал...

Наралекс и Хамуул помогли ему встать.

Лицо Бролла пылало от стыда.

— Я проявил слабость!

Связь с землей все еще была сильна, и, едва договорив, Бролл ощутил, что они больше не одни, кто-то стремительно приближался к месту собрания.

Бролл посмотрел на Фэндрала, замершего спиной к Тельдрассилу и смотревшего куда-то влево, на тропинку. Теперь стало ясно, что верховный друид прервал ритуал из-за появления чужаков.

Вновь прибывшие приблизились уверенным шагом и рассредоточились, защищая свою предводительницу. Этихочных эльфиек никто не принял бы за друидов. Их облик сразу же выдавал принадлежность к религиозному ордену. На боку у каждой были закреплены пустые ножны, а на спине — колчаны. Бролл догадался, что они разоружились изуважения к собравшимся друидам. Гибкие и грациозные, эльфийки явно превосходно владели не только самыми разными видами оружия, но и могли дать отпор в рукопашном бою.

Их было всего одиннадцать, лишь малая часть от общего количества жриц, и каждая облачилась в сверкающие длинные одежды серебристо-лунного цвета с одинаковыми длинными украшениями из серебра, тянувшимися от груди до середины бедра, с круглыми голубыми камнями на концах. От талии наподобие ремня расходились изогнутые цепочки, скрепленные посередине. Просторные, струящиеся платья превосходно подходили для боя. Даже без луков и клинков эти эльфийки были готовы к битве.

Их предводительница быстро, не скрывая нетерпения, оглядела друидов, распростерла руки, и вдруг все вокруг озарилось светом одной из двух лун Азерота, самой крупной.

— Надеюсь, мы вас не побеспокоили? — вежливо уточнила Тиранда Шелест Ветра. — Насколько я знаю, совет Круга Кенария обычно проводится в другом месте.

— Мы всегда рады Сестрам Элуны, — откликнулся Фэндрал. — Нечасто совет друидов привлекает внимание верховной жрицы Луны и правительницыочных эльфов.

— Не привлек бы и этот раз, пусть вы и выбрали непривычное место, — сказала Тиранда. Ее лицо ожесточилось. Заметив это, Фэндрал нахмурился, а остальные заволновались, — если бы сама Элuna не открыла мне страшную правду.

Друиды зашептались, и Фэндрал жестом призвал их к тишине.

— О какой страшной правде ты говоришь, верховная жрица? — спросил он, все так же хмурясь.

Тиранда нервно сглотнула, выдав тем самым свою личную заинтересованность.

– Малфурион *умирает*...

– Это невозможно! Мы лично позаботились о безопасности обители, и твои жрицы день и ночь следят за его телом. Нет причин предполагать худшее...

– И все же это так, – прервала его Тиранда. – Что-то изменилось. Малфурион умирает, и мы должны срочно действовать!

Бролл неожиданно вмешался, не дав Фэндралу ответить.

– Что нам делать, верховная жрица?

В голосе Тиранды звенела сталь:

– Для начала отправимся на Лунную поляну.

3

Древо

Боль снова и снова разрывала его изнутри.

Тело медленно, но неотвратимо претерпевало чудовищные изменения. Его руки, казалось, уже целую вечность были заломлены над головой, а пальцы – болезненно вытянуты в разных направлениях. Ноги давным-давно срослись, превратившись в толстый ствол дерева.

Сколько же он такостоял – скованный, недвижимый? Давно ли стал пленником Владыки Кошмара? Что в это время творилось в мире смертных?

И что случилось с *Тирандой*?

Малфурион Ярость Бури, как и множество раз до этого, превозмогал страшные муки. Будь у него рот, он бы кричал от невообразимого напряжения. Жестокий тюремщик оставил своей жертве лишь глаза, чтобы та беспомощно наблюдала за собственным преображением.

Ночного эльфа, носившего некогда имя Малфурион, больше не было. Он рассыпался в прах, превратился в ужасающее скелетообразное дерево. Руки и пальцы стали ветвями, усыпаные листьями с острыми шипами. Торс и бедра – стволом, изгибавшимся под неестественными углами, а ноги превратились в узловатые корни.

Пытаясь отвлечься от мучительной боли, Малфурион представил лицо Тиранды и вспомнил то мгновение, когда оба без слов осознали, что любят друг друга, и когда прекрасная эльфийка предпочла его честолюбивому Иллидану. Малфурион втайне верил, что Тиранда выберет его брата, ведь, несмотря на безрассудство, тот добился огромных успехов в магии. Более того, после войны с Пылающим Легиономочные эльфы, а порой и сам Малфурион, видели в Иллидане спасителя. И все же Тиранда, которая тогда была простой послушницей Элуны, разглядела нечто особенное в совсем еще юном и неопытном друиде. Он до сих пор не понимал, что именно.

Воспоминания о возлюбленной придали Малфуриону сил и в то же время пробудили чудовищное чувство вины. Это из-за него Тиранда осталась одна и много столетий оберегала Азерот от опасностей, пока сам он вместе с остальными друидами бродил тропами Изумрудного Сна. И вовсе неважно, что Малфурион сделал правильный выбор, пожертвовал собой ради спасения всего мира. Так или иначе, он бросил свою возлюбленную.

Верховному друиду хотелось взвыть от боли. Он не сомневался в искренности своих чувств, но, быть может, они все же неслучайно возникли именно теперь? Быть может, и к этому приложил руку Владыка Кошмара? Подобное уже случалось раньше. Коварный тюремщик множество раз проникал в разум Малфуриона, сеял хаос в его воспоминаниях и мыслях. Пожалуй, вынести это было чуть проще, чем телесные муки чудовищного преображения.

Почему же так больно? В Изумрудном Сне пребывал только дух Малфуриона, не физическая оболочка, и он не должен был испытывать такие страдания! Но тело вновь парализовало судорогой. И опять Малфурион не мог даже закричать, чтобы хоть как-то ослабить нескончаемую агонию.

– *Малфурион?*

Сквозь пелену боли прорвался знакомый голос. Малфурион ухватился за него, ища спасение. Голос был таким далеким, тихим, не громче шепота, но звучал так, будто...

– *Малфурион!*

«Это же... Тиранда! Ты... Тиранда! – беззвучно прокричал Малфурион. Если бы он только мог говорить! Тогда этот зов разнесся бы по всем бескрайним просторам Изумрудного Сна. – Тиранда!»

– *Малфурион!*

Голос стал громче. В душе Малфуриона зародилась надежда. Он знал Тиранду больше десяти тысяч лет, и любовь к ней за это время ничуть не ослабла. Да, она имела полное право возненавидеть Малфуриона за то, что он ушел, сделав выбор в пользу долга, но в итоге все равно пришла. Тиранда вновь доказала, что *ничто* не в силах их разлучить!

— *Малфурион!*

Голос приближался, как будто становясь осязаемым. Казалось, будто Тиранда действительно где-то рядом.

Вдруг впереди возникла призрачная фигура, и Малфурион ощутил, как боль постепенно утихает. Вглядываясь в приближающийся силуэт возлюбленной, он едва не дал волю слезам.

Сияние, окружавшее Тиранду, не было похоже на то, которое исходило от самого Малфуриона или друидов, путешествовавших по Изумрудному Сну. То был едва различимый серебристый свет, дар богини Элуны. Малфурион непременно бы улыбнулся, будь у него рот. Кто знает, как именно его возлюбленная сюда попала, но это и неважно, ведь она *здесь*!

Тиранда заговорила, но Малфурион не сразу услышал ее слова:

— *Малфурион! Это... Это ты?*

Он хотел было ответить, но вдруг все его тело сковал ужас от внезапной реакции Тиранды, которая вдруг отшатнулась с выражением омерзения на лице.

— *Как... отвратительно!* — воскликнула она и отступила еще на шаг, покачав головой.

«*Тиранда! Тиранда!*» — безмолвно взывал Малфурион, но ответа не было. Казалось, возлюбленная попросту не могла его услышать.

Она вытянула вперед руку, как будто пытаясь отгородиться.

— *Нет,* — пробормотала Тиранда. — *Я ожидала от тебя большего!*

Малфурион окончательно запутался в происходящем. Ему хотелось вновь обратиться к возлюбленной, но вдруг позади нее возникла еще одна фигура, на этот раз огромная.

— *А ведь я предупреждал, любовь моя,* — раздался рокочущий голос. — *Ведь я говорил, что он не оправдывает твоих надежд!*

Малфурион не мог вымолвить ни слова. Он знал этот голос, страшился его услышать. Еще одно напоминание о постигшей друида неудаче. Возможно, самой страшной из всех.

Фигура брата прступила четче. Впрочем, в нынешнем обличии он меньше всего напоминал близнеца Малфуриона.

Иллидан Ярость Бури превратился в настоящее чудовище, отвратительного демона. Его голову венчали огромные изогнутые рога наподобие бараных, а из спины, у лопаток, росли кожистые крылья. Черты Иллидана исказились до неузнаваемости: челюсть резко выдавалась вперед, зубы превратились в клыки, скулы оказались выше, чем раньше. Лицо обрамляли густые темно-синие волосы, а глаза скрывались под плотной повязкой. Еще во времена Войны Древних темный титан Саргерас выжег их в награду за то, что Иллидан стал слугой Пылающего Легиона. На месте глаз того, кто некогда был ночным эльфом, теперь зияли два провала, из которых вырывался демонический огонь. Дар Саргераса позволял Иллидану видеть не только окружающий мир, но и наполняющие его магические энергии.

— *О, Иллидан!* — ласково проговорила Тиранда, и мельком, с неослабевающим отвращением взглянув на Малфуриона, добавила: — *Иллидан, только посмотри на него!*

Демон вышел вперед, сотрясая землю огромными копытами. Теперь он казался гораздо выше, чем прежде. Противоестественно широкую грудь украшали магические татуировки, сиявшие зеленым, торс был обнажен, и из одежды на Иллидане остались только изрядно потрепанные штаны, которые он носил, еще будучи ночным эльфом.

— *Не стоит так волноваться, любовь моя,* — проговорил он. Слова с опозданием срывались с его губ.

А затем, к ужасу Малфуриона, брат обнял Тиранду могучей рукой, едва не впиваясь острыми, изогнутыми когтями ей в плечо. И, что еще хуже, ночная эльфийка не отстранилась, а напротив, расслабилась и успокоилась.

– *Не могу на это смотреть! Он оказался совсем не таким, как я думала!*

Иллидан взглянул на брата, подвергшегося влиянию Кошмара, и ухмыльнулся.

– *Тиранда, ты не виновата! Винить стоит только Малфуриона. Он бросил тебя – и меня тоже, – требовал беспрекословного подчинения, даже несмотря на то, что это привело к трагедии. Он получил по заслугам!*

«*Ложь!*» – беззвучно вскричал Малфурион, но его никто не услышал. Тиранда развернулась лицом к Иллидану и заключила его в страстные объятия.

– *Целые столетия прожиты впустую, и все из-за него!* – горько воскликнула она. – *Он вечно заставлял меня ждать, ставил свои желания выше моих.*

Демон посмотрел на Тиранду и коснулся ее подбородка изогнутым когтем.

– *Я никогда бы так с тобой не поступил, любовь моя. Мы станем единым целым.*

Тиранда посмотрела в горящие зеленым глаза и улыбнулась:

– *Я согласна, любимый!*

Иллидан опустил когтистые руки ей на плечи. Его глаза загорелись еще ярче, выпустив струю пламени, которое охватило Тиранду. Малфурион закричал, но, как и прежде, никто не обратил на него внимания. Верховная жрица Элуны вспыхнула, словно факел, а потом... Начала преображаться.

Из ее лба выросли крупные, изогнутые рога, на спине возникли два бугорка, которые быстро превратились в распахнутые перепончатые крылья. Ногти на изящных руках, которые удерживал Иллидан, покернели и удлинились.

«*Hem!* – вновь возопил Малфурион. – *Hem!*»

Тиранда развернулась и посмотрела на него ужасными глазами, в которых теперь тоже горело зеленое пламя. Осознав бессилие своего бывшего возлюбленного, она лишь нахмурилась.

– *Это ты виноват,* – произнесла Тиранда. – *Ты...*

Верховный друид безмолвно закричал и... проснулся.

Он по-прежнему пребывал в обличии духа, болезненно скованный в неестественной позе. Оказалось, что невыносимая боль, разрывавшая сердце на куски, была лишь плодом воображения. Во всяком случае, пока.

Эта мысль не принесла Малфуриону успокоения. Ему и раньше снились подобные кошмары. С каждым разом становилось все труднее различить грань между сном и бодрствованием. Владыка Кошмара вел жестокую игру, и верховный друид медленно, но верно проигрывал.

Обыкновенный кошмар лишил Малфуриона сил и оставил в его душе неприятный осадок.

«*Тиранда...* – подумал Малфурион. – *Прости меня.*»

– *Кто знает, быть может, теперь она даже о тебе и не вспоминает,* – предположил новый голос, зазвучавший у него в голове. – *Прошло так много времени. Слишком уж часто ты ее бросал, вынуждая принять ответственность за судьбу целого народа. Прятался от всего мира и пренебрегал обязанностями.*

Малфурион попытался тряхнуть головой. Вот только головы у него теперь не было!

Голос зазвучал вновь, и каждое слово было подобно укусу ядовитой змеи:

– *Ты бросил ее так же, как своего брата, которого довел до предательства, заточил в темнице и обрек на вечные муки.*

Иллидан... Малфурион отчаянно пытался спасти своего брата-близнеца, но тот поддался честолюбию и, в конце концов, стал неотличим от зла, с которым боролся. Превратился в

демона. Если бы Малфурион с самого начала вел себя по-другому, пытался помочь вместо того, чтобы заключать в темницу... Возможно, тогда Иллидана удалось бы спасти.

«*Нет!* – подумал скованный верховный друид. – *Я пытался помочь! Снова и снова приходил в темницу, надеясь, что сумею убедить его выбрать другой путь. Но у меня ничего не получилось, как и всегда... Я подвел самого себя и из-за этого обреку на чудовищную участь весь Азерот».*

В глубинах Изумрудного Сна, превратившегося в Кошмар, создание, которое некогда было Малфурионом Яростью Бури, вновь изменилось. Ярко-зеленое сияние, окружавшее все души, попавшие в Изумрудный Сон, потемнело и сменилось зловещим зеленоватым светом.

Тьма окутывала верховного друида, и в воздухе ощущалось незримое присутствие отвратительного существа, называвшего себя Владыкой Кошмара. Из мрака к телу Малфуриона тянулось множество щупальцев. Они не просто меняли его облик, но пытались проникнуть в разум. Верховный друид страдал от невыносимой боли, корчился в агонии и медленно, но неотвратимо, превращался в древо...

Обитель Малфуриона выглядела точно так же, как в видении, и ничуть не изменилась с того раза, как Тиранда Шелест Ветра последний раз здесь бывала. Обстановка этого места мало говорила о его хозяине. Обитель состояла из множества подземных проходов, в которые не проникало ни единого солнечного луча. Ноочные эльфы привыкли жить во тьме и, кроме того, прекрасно владели магией. В главном зале не было ни одного масляного светильника, но благодаря усердным молитвам Сестер здесь всегда светила луна.

Верховный друид, казалось, просто спал, и в каком-то смысле это действительно было так. Разве что открытые глаза сбивали с толку.

Жрицы, заботившиеся о теле, расступились, и вновь прибывшие один за другим подходили к ложу. Друиды преклоняли колени перед своим учителем, а Сестры Элуны ограничивались поклонами. Бролл не мог отделаться от мысли, что все это больше напоминало похороны или прощание семьи с умирающим. Вслух он, конечно, ничего не сказал, хотя бы изуважения к возлюбленной Малфуриона.

Когда очередь дошла до верховной жрицы, та склонилась так низко, что сперва показалось, будто она хотела поцеловать безжизненное тело. Большинство присутствующих это едва ли удивило бы. Однако в последний момент Тиранда отстранилась и лишь легко прикоснулась ко лбу Малфуриона.

– Холодный, – пробормотала она. – Холоднее, чем должен быть.

– Но ведь мы постоянно молились, – подала голос Меренда, не скрывая удивление. – Ничего не должно было измениться...

Тиранда ответила без намека на раздражение:

– Знаю, но он очень холодный. Значит, видение, ниспосланное Элуной, оказалось правдивым, – продолжила она. – И золотистые глаза меняют цвет так, словно он теряет связь с Азеротом.

Наконец Тиранда отступила, пропуская вперед нынешнего лидера друидов. Фэндрал Олений Шлем разглядывал Малфуриона еще дольше, чем верховная жрица, что-то едва слышно бормотал и водил руками над телом. Бролл заметил, как он зачем-то бросил щепотку порошка на грудь учителя. Жрицы и друиды без устали читали заклинания, которые должны были не просто сохранить тело Малфуриона, но и при случае помочь ему вернуться.

Наконец Фэндрал, смахнув одинокую слезу, отошел. Бролл помолился духам леса, чтобы труды верховного друида не прошли даром. Им как никогда нужна была помощь Малфуриона! Особенно, если болезнь, поразившую Тельдрассил, излечить собственными силами не получится.

— Я прикажу Сестрам работать еще усерднее, — сказала Тиранда после краткого разговора с Мерендорой и еще двумя жрицами. — Элuna наверняка поможет сохранить тело Малфуриона хотя бы на какое-то время. Однако нам срочно нужно найти решение.

— Мы сделали все, что могли, — заметил Фэндрал, почтительно посмотрев на неподвижно лежащего учителя. — Пора уходить.

Все начали расходиться. Бролл заметил, как Тиранда на прощание ласково коснулась щеки Малфуриона. Затем ее лицо вновь ожесточилось, и она решительно прошагала мимо Фэндрала, как будто приготовившись к войне.

Лунная поляна резко контрастировала с мрачной обителью Малфуриона. Природа здесь была невероятно красива. Среди деревьев виднелись холмы, а под ними скрывались другие святилища друидов. Обители, каменные и деревянные арки под покровом зелени и буйная растительность — все это придавало Лунной поляне экзотический вид.

Однако дело было не только в прекрасном пейзаже. Бролл, будучи друидом, особенно остро ощущал покой, царящий в этом месте. Неудивительно, что среди его собратьев Лунная поляна считалась священной.

— Какая безмятежность, — заметила верховная жрица.

— Здесь до сих пор сильно присутствие духа Кенария, — ответил Фэндрал Олений Шлем, которому явно польстил комплимент. — Но не стоит забывать и о его сыне, нынешнем хранителе Лунной поляны...

— Как жаль, что я так и не стал достойным своего отца, — послышался голос, в котором как будто ощущалось дыхание весны. — Как жаль...

Ремул подошел неслышно, застав друидов врасплох. Однако они быстро справились с удивлением и преклонили колени. Даже жрицы почтили хранителя Лунной поляны вежливыми поклонами. Однако гостя, похоже, не обрадовало столь почтительное приветствие.

— Встаньте! — потребовал Ремул, и воздух вокруг него наполнился ароматом цветов, а трава под могучими копытами стала еще гуще. — Я не достоин вашего поклонения, — сухово добавил Хранитель, тряхнув лиственной гривой. — Я потерпел сокрушительное поражение и ни на что не гожусь!

Фэндрал протестующе вскинул руку.

— Ты, о, великий? Не верю, что такие жестокие слова могут относиться к хранителю Лунной поляны!

Ремул, обликом лишь отчасти напоминавший ночного эльфа, внимательно оглядел собравшихся, раздувая ноздри, как разъяренный олень. Он коротко посмотрел на Бролла, который сразу же опустил взгляд, а затем вновь развернулся к верховному друиду.

— Могут, Фэндрал, ведь все мои попытки помочь Малфуриону оказались безуспешными. Он так и не проснулся, но, похоже, это даже не самое страшное. Иначе зачем все вы явились на Лунную поляну?

— Он... умирает, — призналась Тиранда.

На лице Ремула отразился ужас. Перебирая всеми четырьмя ногами, он беззвучно отступил. Под его копытами распускались цветы.

— Умирает... — повторил Ремул, и ужас на его лице сразу же сменился мрачным выражением. — Неудивительно. Кошмар распространяется быстрее, чем когда-либо. Безумие охватило почти весь Изумрудный Сон! Хуже всего то, что он стремительно захватывает врасплох защитников Сна, заражая порчей их тело и дух.

Слова Ремула лишь подтвердили страхи, которые мучили Бролла, Тиранду и всех остальных. Бролл сжал руку в кулак, на мгновение поддавшись тоске по тем временам, когда был гладиатором. Как же тогда все было просто!

Он лишь на миг дал волю эмоциям, но Ремул, то ли заметив это, то ли обратив внимание на некие иные признаки, вновь на него посмотрел. Впрочем, его слова предназначались не Броллу, а скорее Фэндралу.

– Идол по-прежнему у тебя, верховный друид?

– Да, великий.

Ремул смерил его взглядом.

– Откажись от своей затеи, спрячь его. Нельзя, чтобы сила идола коснулась Азерота. По крайней мере, не сейчас.

Несколько друидов, в том числе и Бролл, посмотрели на своего предводителя. Фэндрал ни словом не обмолвился о своем решении использовать идол, только кивнул в ответ.

– Так тому и быть. Он хранится в моем жилище, в безопасном месте.

– Запомни мои слова. Пока я не могу ничего объяснить, ибо сам ни в чем не уверен.

– Даю тебе слово, – поклялся Фэндрал.

Могучий полубог кивнул, а затем, отступив еще дальше, неведомым образом стал слияться с природой, растворяясь в пейзаже.

– Эти новости, пусть и страшные, вынуждают меня действовать. Верховная жрица, искренне сочувствую твоему горю.

Вместо ответа Тиранда лишь на мгновение опустила веки. Ремул, тем временем, полностью слился с природой, словно иллюзия, сотканная из листьев, ветвей и буйной растительности, которой на волшебной поляне было в изобилии.

Теперь был слышен лишь его голос:

– И последнее предупреждение, друзья мои. Я слышал шепот, слухи о том, что в самых разных королевствах, среди всех народов появились спящие. Говорят, они никак не могут пробудиться, и даже самые близкие не в силах их спасти. Прислушайтесь к этим историям, как прислушиваюсь я. Быть может, они окажутся важными.

С этими словами Ремул исчез окончательно.

– Спящие, которые не могут пробудиться, – пробормотала Тиранда. – Что Ремул имел в виду?

– Возможно, ничего особенного, – откликнулся Фэндрал. – Он ведь сказал, это всего лишь слухи. Быть может, не стоит обращать на них внимания.

– Я слышал от орка, чьему слову верю, что в одной деревне сразу пять могучих воинов погрузились в беспросудный сон, – недовольно проворчал Хамуул.

Однако верховного друида это не убедило.

– От орка?

Таурен пожал плечами:

– Ему нет резона лгать.

– Малфурион заточен в Изумрудном Сне, – задумчиво проговорила Тиранда. – Разве вам не кажется, что все это как-то взаимосвязано?

Фэндрал низко поклонился и покачал головой.

– Верховная жрица, ты ошибаешься, и это закономерно. Пусть название тебя не обманывает. В Изумрудный Сон, хоть он и оказался во власти Кошмара, входит лишь проекция друида. Это не имеет ничего общего со сновидениями простых смертных.

– Да… Наверное, ты прав, – ответила Тиранда, и на ее лице вновь пропустила горечь. – Он не должен был идти один. Особенно после рассказов друидов об опасных изменениях, которые затронули Изумрудный Сон.

Бролл заметил, что Тиранда на мгновение прикрыла глаза, и терзавшая ее злость сменилась грустью.

— Малфурион знал, что некоторые друиды не смогли пробудиться, как и он сам теперь, — продолжила Тиранда. — Эти несчастные не обладают даже частью его силы, не имеют воли, чтобы поддерживать жизнь в тела, давно лишенных души.

Верховная жрица много знала о друидизме, и это никого не удивляло. В конце концов, она была непосредственной свидетельницей того, как шан'до становился первым защитником природы. Он наверняка делился своими впечатлениями с возлюбленной.

— Тиранда Шелест Ветра, Малфурион поступил так, как считал нужным, и нам тоже следует исполнить свой долг, — ответил верховный друид. Теперь он казался спокойным. — Тельдрассил, Мировое Древо, — наша последняя надежда спасти шан'до.

Верховная жрица согласно кивнула, хоть слова верховного друида показались ей не слишком убедительными. Затем она взглянула на Бролла, с которым была знакома гораздо ближе, чем с остальными друидами. Тот постарался безмолвно поддержать ее.

Фэндрал снова заговорил, но Бролл отвлекся и не разобрал ни слова.

Снова этот шум! Волоски у него на шее встали дыбом. Бролл окинул взглядом деревья и кустарники. Листва качалась, как будто на сильном ветру.

Как и в видении у Тельдрассила, листья вдруг взмыли в воздух, оголив ветви, поднялись в небо, а потом с ужасающей точностью полетели вниз, в сторону собравшихся на Лунной поляне друидов и жриц.

При этом листья изменяли форму, разбухая и превращаясь в созданий со звериными лапами, копытами и едва различимыми чертамиочных эльфов.

Вдруг видение вновь изменилось. Между ночными эльфами и чудовищными врагами появилась фигура, излучавшая свет Изумрудного Сна. Бролл сразу же подумал о Малфурионе, но потом пригляделся и понял, что эта фигура гораздо меньше и вовсе не похожа на одного из представителей его народа. Больше всего она напоминала...

— Бролл! — послышался грубоватый шепот. — Бролл Медвежья Шкура!

Ночной эльф вздрогнул. Демоны превратились обратно в листья, а листья, как и в предыдущем видении у Тельдрассила, возвратились на свои места.

Бролл поймал обеспокоенный взгляд Хамуула и сразу понял, что они остались на поляне вдвоем. Все остальные успели отойти на приличное расстояние.

— Бролл Медвежья Шкура, я ведь вижу, что-то с тобой не так, — произнес Хамуул, развернувшись лицом к другу. — Остальные ничего не заметили, а я, как только ты замер, встал рядом, чтобы они подумали, будто мы беседуем. Но, что бы я ни говорил, ты никак не реагировал и казался таким же безжизненным, как наш шан'до.

Бролл почувствовал слабость в ногах и, ища поддержки, ухватился за руку Хамуула. Заговорив, он с удивлением обнаружил, что голос звучит непривычно хрипло.

— Нет... Между мной и Малфурионом мало общего. Я видел... У меня было видение.

— Видение? — переспросил Хамуул. — Какое?

Ночной эльф задумался.

— Наверное, «видение» — это неправильное слово. Скорее уж Азерот... или кто-то еще... пытались меня предупредить...

Больше всего Броллу хотелось кому-нибудь довериться, поделиться страхами, а потому он коротко и очень тихо пересказал все, что видел. Хамуул не раз беспокойно раздувал ноздри от волнения и удивленно хмыкал.

— Мы должны рассказать остальным, — предложил он, как только Бролл закончил, но ночной эльф покачал головой.

— Фэндрал решит, что это всего лишь следствие волнений или безумие. Для него Тельдрассил — ключ к спасению. Возможно, это действительно так.

— Бролл, но ведь у тебя было целых два видения, и ты сам сказал, что, скорее всего, они очень важны.

– Не знаю… Если то, что я видел, и вправду не простое наваждение, то… почему именно я?

Таурен задумался на мгновение, а потом ответил:

– Наверное, потому что тебя сочли самым достойным.

– Достойным чего?

– Мне выпала большая честь стать верховным друидом, – начал Хамуул, – однако наш мир полон тайн, разгадать которые я не в силах. Думаю, ты сам должен истолковать свои видения, если Азерот того пожелает.

Ночной эльф нахмурился и кивнул. Обсуждать больше было нечего, и оба друида поспешили присоединиться к остальным. Однако по пути Бролл то и дело незаметно поглядывал на таурена и не мог избавиться от чувства вины.

Была одна деталь в *последнем* видении, которую он утаил. Ровно перед тем, как Хамуул окликнул его и вырвал из пугающих грез, Бролл наконец-то узнал, что за загадочная фигура оградила их от нашествия врагов.

Это был *идол Ремула*.

4

Тени сгущаются

– Паршивые твари наверняка прячутся на нижних уровнях! – прорычал солдатам маршал Дугхан, вглядываясь в темную глубину Яшмовой шахты сквозь смотровые щели шлема. Пыль осела в горле, он развернулся и сплюнул на землю. – Пожалуй, можно сделать короткий привал.

Пятнадцать солдат разом расслабились, и от стен шахты эхом отразился звук лязгнувшей брони. И лишь Залдимар Вефхеллт, весьма посредственный маг из Златоземья, который сопровождал боевой отряд, напряженно замер, вглядываясь в темный туннель.

– Я же сказал, у нас привал! – рявкнул Дугхан.

Только после этого маг с седыми волосами и бородой наконец-то присоединился к остальным. Хоть в Златоземье Залдимара уважали, едва ли он смог бы сделать блестящую карьеру в одной из столиц Альянса. Отряд был неплохо подготовлен и наверняка справился бы с затаившимися в шахтах тварями без посторонней помощи, однако Дугхан все равно считал, что парочка быстрых и безжалостных заклинаний не помешает.

В Яшмовой шахте, что в северных предгорьях Элвиннского леса, добывали железную руду, которая затем использовалась для ковки оружия и брони. Это был важный пункт снабжения. Однако из-за опасностей, угрожавших Штурмграду, количество отрядов, патрулировавших подобные объекты, резко сократилось едва ли не до нуля, а потому Яшмовая шахта, как и многие другие места добычи руды, подверглась чудовищной напасти.

Кобольды, гуманоидные создания с длиннорылыми мордами и усами, которые обычно скорее раздражали, чем представляли реальную опасность, теперь снова заняли шахты, упиваясь безнаказанностью. Сражались они из рук вон плохо, да и особенным умом не отличались, зато плодились не хуже кроликов и бродили по пещерам целыми толпами. Впрочем, это ненадолго – маршал Дугхан ответственно подошел к своей задаче. За последние несколько недель ему удалось добиться многоного. Охота на кобольдов не прекращалась, и он уже потерял счет врагам, убитым на промежутке от рудника Подземных Глубин, что находился на юго-западе, до Яшмовой шахты.

Дугхан снял шлем. В юности этот мужчина с медными волосами, густыми усами и аккуратной бородкой успел побывать во множестве битв. Став маршалом после загадочной смерти своего предшественника, Дугхан за последние несколько лет сумел восстановить порядок и принести в Златоземье мир, разбравшись не только с кобольдами, но и с дикими волками, медведями, разбойниками, рыбоподобными мурлоками и прочими угрозами.

И вот теперь кобольды вновь наводнили шахты.

– Как доберемся до кобольдов, они начнут пускать в ход зубы, когти, молоты и топоры, – объяснял Дугхан своим солдатам. – Еще эти гады любят сбиваться в кучу в узких пространствах. Тут-то нам и пригодишься ты, Залдимар.

Маг мрачно кивнул. Его фиолетово-синяя мантия оставалась безукоризненно чистой, в то время как все остальные члены отряда были покрыты пылью.

– Нескольких чародейских вспышек будет вполне достаточно, чтобы...

Дугхан жестом приказал ему замолчать.

– Избавь меня от подробностей. Твоя задача – убить, ранить или обратить в бегство как можно больше кобольдов до того, как мы вступим в бой. Справишься?

Залдимар опять кивнул. Дугхан надел шлем и подал солдатам знак двигаться дальше. Он перерубил мечом плотную паутину, мешавшую пройти дальше. Ее сплели огромные пауки, которые когда-то водились в этих шахтах и охотились на недалеких смельчаков, дерзавших

сюда зайти, да еще на кобольдов, свою основную добычу. Из паутины и в самом деле вывалился старый череп кобольда. Грохот от падения эхом разнесся по туннелям.

Дугхан выругался. Скорее всего, эти твари и так почуяли присутствие людей, а теперь и вовсе убедились, что в шахтах кто-то есть.

Несколько солдат закашлялись от поднявшейся пыли, которой здесь почему-то было гораздо больше, чем в остальных местах. Вскоре отряд выяснил, почему, – один из боковых туннелей, который вел ко второму выходу из шахт, обвалился. Маршал внимательно осмотрел обрушившиеся камни весом не меньше нескольких тонн, землю и разбитые деревянные опоры.

– Несчастный случай, – тут же заявил Залдимар. – Когда мы в последний раз ходили разбираться с кобольдами, я предупреждал, что не стоит слишком сильно нагружать этот участок.

– Теперь уже неважно, – ответил Дугхан. – Это даже упростит нам задачу.

Залдимар кивнул. У кобольдов останется не так уж много путей к отступлению, ведь оба выхода перекрыты. Очень скоро отряд даст бой этим тварям!

Вскоре люди наткнулись на труп, увидеть который совсем не ожидали. То был рудниковый паук размером с крупного пса. Ядовитая тварь была достаточно сильна, чтобы поймать кобольда или даже человека, и тем не менее лежала здесь, порубленная на кусочки. В тусклом свете маршал разглядел несколько цепочек следов.

– Похоже, кобольды внезапно поумнели и стали группами нападать на пауков, чтобы выгнать их из шахты.

– Интересная деталь, – подал голос Залдимар.

Дугхан мрачно кивнул, покрепче перехватил шипастую палицу, а свободной рукой инстинктивно смахнул пыль со своей гербовой накидки. Золотисто-голубая голова льва у него на груди так и засияла во тьме шахты. После этого маршал отдал приказ двигаться дальше.

Где-то вдалеке, в темном туннеле послышалось хриплое бормотание и гневные выкрики.

Маршал разглядел огонек, как будто от свечи, который моргнул и быстро потух.

– Залдимар… – прошептал Дугхан.

Маг вышел вперед, вскинул руки и сотворил заклинание.

Сверкнул ярко-фиолетовый свет, сопровождаемый пульсирующим звуком, и чародейская вспышка полетела в ту сторону, где секунду назад возник огонек.

Послышался удар, потом еще один и еще… Стены шахты затряслись, а на солдат посыпалась пыль и мелкие осколки камней. Дугхан мысленно проклял небрежность мага.

Фиолетовая вспышка, такая яркая, что маршалу пришлось даже прикрыть глаза, на мгновение осветила проход, и издалека, с противоположной стороны, послышался громкий рык.

Дугхан заморгал, привыкая к свету.

– Во имя короля! – удивленно выдохнул он.

В туннеле буквально кишили кобольды, занимая все пространство от стены до стены. Тварей с крысиными мордами здесь было гораздо больше, чем докладывали разведчики! Дугхан вдруг понял, что в его отряде, пусть и хорошо подготовленном, слишком мало людей.

Между тем, кобольды, стоявшие в передних рядах, со звериными воплями замахали оружием и длинными хвостами, не скрывая растущего нетерпения. Похоже, заклинание Залдимара никого из них даже не задело!

– Приготовиться к организованному отступлению! – скомандовал Дугхан.

Такого бойцы не ожидали. Какое уж тут очищение шахты, скорее всего маршала и его отряд просто перебьют!

Залдимар стоял впереди, молча разглядывая наводнивших туннель созданий. Между тем, свет чародейской вспышки стал постепенно меркнуть.

– Маг, сделай что-нибудь! Выстрели еще раз!

Залдимар развернулся. На его лице появилось недоуменное выражение.

– Я… Мне нужна буквально минута. Эти заклинания требуют много сил.

Дугхан волшеством не владел, но прекрасно понимал, что лучше бы Залдимару поднапрячься и начать действовать как можно быстрее. Он схватил мага за руку и оттащил поближе к остальному отряду.

– Уж постараися, Залдимар! От этого зависят наши жизни!

Не успел маг ответить, как враги ринулись в атаку. В других обстоятельствах это могло бы показаться забавным, ведь кобольдами, мелкими, не выше метра в высоту созданиями, обычно пугали детей. Но теперь крысоподобные твари превратились в страшную, смертоносную силу.

– Отступаем! Отступаем! Вы трое, доставайте мечи, встаньте рядом со мной!

Дугхан подтолкнул Залдимара и прикрыл его собой. Пусть от этого мага и нет никакого толку, бросать его на растерзание кобольдам не годится.

Наконец первые враги подобрались достаточно близко. Дугхан со всей силы ударили одного и схватился со вторым, гораздо крупнее предыдущего.

– Не трогай свечу! – прорычал кобольд. У него на голове и правда стояла свечка в небольшом подсвечнике. Эти создания неплохо видели в темноте, но в особенно глубоких местах шахты все-таки пользовались дополнительными источниками освещения.

– Да не нужна… мне… твоя… проклятая… свеча! – завопил Дугхан, без устали размахивая палицей.

Крысоподобные враги падали один за другим под умелыми ударами маршала. Его люди тоже подтверждали свою репутацию стойких бойцов, безжалостно рубя и протыкая врагов.

Наконец расстановка сил изменилась. Бесчисленная армия кобольдов превратилась в гору трупов. Дугхан ухмыльнулся.

К концу сражения бравые защитники Златоземья стояли по колено в крови и мертвых телах. Вонь от убитых кобольдов была в сотни раз хуже, чем не самый приятный запах живых, но люди не жаловались, искренне наслаждаясь победой. Огоньки свечей последних померкли, а маршал Дугхан сосчитал своих людей. Все на месте. Кое у кого обнаружились незначительные ранения (в основном простые царапины), в остальном же потерь не было.

Впрочем, одного участника отряда маршал не досчитался.

– А где маг?

Солдаты только покачали головами в ответ. Дугхан расчистил от трупов то место, где видел Залдимара в последний раз, однако не обнаружил ни мага, ни даже следов бегства.

И все-таки он предположил, что обессиленный Залдимар улизнул перед самым боем. Наверняка этот трус вернулся в Златоземье!

– Пошли дальше, – приказал маршал. – Проверим остальные туннели.

Он сомневался, что в шахте после такого найдется больше парочки кобольдов, но даже с ними следовало разобраться.

Отряд с Дугханом во главе двинулся вперед. Маршал зажал нос. Несмотря на то, что они удалялись от места битвы, оставляя трупы позади, вонь мертвых кобольдов только усиливалась.

«В следующий раз надо будет выманить их наружу, там хоть ветер есть», – подумал Дугхан.

Вдруг стены Яшмовой шахты затряслись так, словно где-то глубоко внизу произошел взрыв, а деревянные опоры впереди зловеще скрипнули.

Дугхан взмахнул оружием.

– Не отставать!

Они продолжили путь, но где-то вдалеке снова заскрипели опоры. Две из них закачались.

– Осторожно! – взревел маршал.

Взрыв, очевидно, задел наименее укрепленное место, и часть потолка туннеля стала обваливаться. Что еще хуже, это запустило цепную реакцию. Опоры не выдержали, и вниз стремительно рухнула масса грунта вперемешку с камнями.

Отряд отступил, но тут крыша не выдержала. Ослепшие от пыли, Дугхан и его люди пытались найти выход в кромешной тьме, но то и дело неуклюже натыкались друг на друга.

И вдруг маршал услышал леденящий кровь вопль.

Он успел выйти на открытое пространство ровно в тот момент, когда обвал почти прекратился. Дугхан закашлялся, сфокусировал взгляд и различил по меньшей мере три фигуры людей.

Как только все более или менее стихло, он крикнул:

– Выжившие, отзовитесь!

В ответ послышалось одиннадцать голосов, и некоторые из их обладателей явно пострадали. Только одиннадцать вместо пятнадцати...

В воцарившемся хаосе было совершенно бессмысленно выяснять, живы ли оставшиеся четверо. Сейчас главное – отвести людей в безопасное место. У них оставался только один путь – обратно к полю битвы. Иногда кобольды прорывали в шахтах потайные ходы наружу, так что хотя бы призрачная надежда выбраться оставалась.

– За мной! – крикнул Дугхан.

Туннель теперь казался темнее и длиннее, чем раньше. Понять, что они уже близко к цели, помогал только усиливающийся неприятный запах. Однако торопливо шагая по проходу, люди вдруг уперлись в каменную стену.

– Это еще что? – удивился Дугхан.

Стало быть, они прошли место, где впервые заметили кобольдов. Но куда же подевались трупы?

Дугхан обшарил карманы в поисках хоть какого-нибудь источника света, но все тщетно.

Вдруг где-то сбоку вспыхнуло фиолетовое сияние. Маршал резко развернулся, вскинув палицу.

Залдимар, окутанный светом, встретил его взгляд. Дугхан не мог разглядеть ничего, кроме лица мага, которое исказилось от напряжения.

– Так лучше? – прохрипел Залдимар.

– Где, демоны тебя раздери, ты пропадал? Не знаешь, где тут выход? Путь, которым мы пришли, теперь ведет в тупик!

Залдимар кивнул:

– Конечно, я сам об этом позаботился.

– Что ты сказал?

Сияние усилилось, и Дугхан широко распахнул глаза.

Маг теперь был одет по-другому – в черную броню с черепами на груди и наколенниках, голову прикрывал капюшон. Глаза Залдимара отливали чудовищным темно-фиолетовым сиянием.

– Что же касается выхода, то лично я смогу выбраться с помощью простого заклинания.

Маршал Дугхан ткнул мага под подбородок острым концом палицы.

– Ах так? Значит, и нас с собой прихвати!

За кругом света что-то шевельнулось, и через мгновение оружие вылетело у маршала из рук. Дугхан попытался поймать его, но вдруг различил знакомые очертания крысиной морды.

– Кобольд... – начал было он и осекся, как только Залдимар осветил помещение жутковатым сиянием.

Тогда-то и выяснилось, что кобольд был... мертвым. Из вспоротого живота твари вываливались гниющие внутренности. Кобольд покрепче перехватил оружие и уставился на маршала слепыми глазами.

Свет засиял сильнее, и Дугхан увидел целое войско мертвцев. Похоже, тут были не только те, с кем еще недавно расправился их отряд, но и многие другие крысоподобные обитатели шахт...

– Что это? – требовательно спросил маршал.

– Теперь они служат мне, а я в свою очередь служу единственному законному господину, – прохрипел Залдимар, и на его лице, больше напоминавшем череп, появилась зловещая ухмылка. – Что же касается тебя, доблестный маршал...

В этот момент кобольды двинулись вперед, и солдатам пришлось прижаться друг к другу потеснее.

– Обещаю, долго ты страдать не будешь!

Нежить, не издавая ни звука, неотвратимо приближалась. Дугхан перерезал одному из кобальдов горло, но никакой реакции не последовало. Тогда он в отчаянии нанес еще более мощный удар и снес мерзкому созданию голову.

Однако тело по-прежнему шло вперед.

– Вынужден вас ненадолго оставить, – пробормотал Залдимар. – Нужно подготовить нападение на Златоземье, в котором непременно примут участие все твои солдаты, да и ты сам. Но сначала вам предстоит умереть, разумеется.

– Будь ты проклят... – начал маршал Дугхан и осекся, потому что некромант исчез, а вместе с ним погас свет.

Воздух стал тяжелым, плотным. Из-за зловония мертвых кобальдов было трудно дышать. Без магического освещения маршал даже не видел приближавшихся врагов.

Вдруг кто-то из его людей вскрикнул. Остальные солдаты испуганно забормотали. Дугхан ничем не мог им помочь и лишь отчаянно пытался отбросить нападавших.

Еще один крик, а через мгновение по туннелю разнесся чудовищный, влажный звук разрываемой плоти.

– Маршал? – с мольбой в голосе позвал стоявший рядом солдат.

– Не отступать! – крикнул Дугхан и едва не упал – кто-то из врагов протащил мимо него солдата. Человек беспомощно вскрикнул, а потом страшно завопил, и в туннеле послышался до боли знакомый звук клинков, рубивших живое тело.

Лязг брони становился все тише и тише.

Маршал Дугхан понял, что остался наедине с врагом. Он чувствовал приближение мертвых кобальтов. И тут их глаза вдруг засветились смертельно белым. По спине Дугхана пробегали мурашки.

Среди низкорослых кобальтов возвышались израненные, искаженные, но все равно до боли знакомые фигуры.

То были солдаты маршала, которые теперь пополнили ряды нечестивого войска.

Нежить бросилась вперед. Маршал Дугхан свирепо сражался. Он снова и снова наносил удары палицей, разрывая мертвую плоть, но кобольды и искалеченные солдаты все равно продолжали наступать. Теперь мертвцы были повсюду. Они кромсали последнего выжившего клыками, кусались и наносили удары оружием. Из груди маршала вырвался отчаянный крик, и бесконечный поток нежити поглотил его...

Над Златоземьем встало солнце, но маршал Дугхан по-прежнему лежал в кровати. Он с трудом пошевелился. Его брови были болезненно нахмурены, а по телу струился пот. Губы едва заметно шевелились, как будто Дугхан пытался заговорить или вскрикнуть, кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки.

Вдруг маршал сел и закричал. Однако проснуться не сумел и вновь упал на кровать, извиваясь, потея и дергаясь так, словно сражался с невидимым врагом из своих кошмаров.

Его крик был громким и наверняка привлек бы внимание всего города, но, тем не менее, никто, ни члены семьи, ни слуги не пришли проверить, что же происходит. Сделать этого они попросту не могли. Все жители Златоземья спали в своих кроватях, мучимые кошмарами.

Тиранда, даже будучи верховной жрицей богини Луны, считала солнечный свет прекрасным. И все же его яркое сияние жгло глаза – сказывалась привычка бодрствовать по ночам. Так было не всегда. В юности, очень давно, Тиранда не испытывала боли, глядя на солнце. Более того, они с Малфурионом и Иллиданом часто сбегали днем, когда прочие эльфы спали, и увлеченно исследовали мир, залитый светом солнца. Первое время Малфурион даже учился у Кенария в дневное время.

«Возможно, возраст наконец берет свое», – подумала Тиранда. В конце концов, она была старше большинства ночных эльфов и пережила не только многих своих друзей, но и всех близких, за исключением двоих.

Лунная поляна находилась так далеко от столицы, что жрице, ее стражницам, а также верховному друиду Фэндралу с его последователями пришлось остаться здесь на день, чтобы вернуться в Дарнас следующей ночью. Большинство друидов без возражений расположилось в подземных залах обителей.

Тиранде же было некомфортно. Слишком многое здесь напоминало о не самых приятных местах из прошлого. Например, о темницах дворца Азшары.

Королева Азшара, движимая тщеславием и одержимостью, пожертвовала своим народом и добровольно открыла Пылающему Легиону путь в Азерот. Это решение подсказал ей главный советник Ксавий. Оба были повинны в бесчисленных смертях эльфов от рук демонов. Тиранда хотела бы навсегда забыть о безумной королеве, но слишком многое напоминало о тех страшных временах.

Оставив полумрак обителей позади, вместе со своими подданными и несколькими друидами она устроилась в шатрах, сотканных из выющихя лоз и листьев обитателями Лунной поляны. Расположившись так, чтобы не мешать отдыху Фэндрала и остальных друидов, правительница ночных эльфов отрабатывала боевые навыки в шатре размером три на три метра, сплетенном из лиственных жил самого Тельдрассила. Опытные ткачи украсили его узорами, характерными для Сестер Элуны, и чаще всего здесь встречался символ луны. Шатер, благословленный самой Матерью-Луной, излучал легкое серебристое сияние.

Внутреннее убранство нельзя было назвать роскошным – отправляясь в путешествия, Тиранда брала с собой лишь самое необходимое. Из мебели здесь присутствовали разве что небольшой деревянный столик и стул, принесенные друидами. Тиранда положила рядом с сотканными из листьев Тельдрассила одеялами, служившими постелью, свою лунную глефу. Ночные эльфы и особенно Часовые, их элитные воительницы, предпочитали это древнее оружие с тремя клинками всем прочим. Тиранда, прекрасно понимая, что мир полон опасностей, часто практиковалась в искусстве владения глефой. Однако сейчас ей хотелось отработать приемы рукопашного боя и немного размяться.

С Фэндралом всегда было трудно, но их совместное путешествие на Лунную поляну к безжизненному телу Малфуриона оказалось гораздо более тяжелым, чем Тиранда могла предположить.

Она с почтением относилась к высокому положению Фэндрала среди друидов и к нему самому, но была совершенно недовольна его планами. Скрепя сердце, Тиранда согласилась подождать, но подобная медлительность шла наперекор ее привычке действовать быстро и решительно, как настоящая воительница.

И вот теперь ей приходилось сражаться с собственными желаниями. Тиранда стала тренироваться с удвоенной силой. Она вскинула руки и нанесла удар ногой по воображаемому противнику. С момента своего послушничества Тиранда добилась больших успехов и в некоторых аспектах сумела даже превзойти Малфуриона, который за последние десять тысячелетий слишком уж часто предпочитал Азероту совершенство Изумрудного Сна. Порой Тиранду страшно злило, что он оставлял ее, но их любовь всегда была сильнее этого темного, разрушительного чувства.

Жрица крутанулась на месте и ударила левой рукой с напряженными, чуть согнутыми пальцами. Ребром ладони легко можно было поразить противника в горло. Затем Тиранда встала на кончики пальцев правой ноги, вытянув вверх левую руку, и вдруг почувствовала, что сзади кто-то есть.

Она резко развернулась и пнула непрошеного гостя. Никто не должен входить в шатер без предупреждения! Куда смотрит страж? Тиранда била так, чтобы обезвредить, а не убить своего противника. Его следовало оставить в живых и допросить.

Однако нога Тиранды так и не коснулась плоти и лишь прошла сквозь темную, черно-изумрудную фигуру. Призрачный убийца превратился в туман, а затем появился вновь.

Но Тиранда уже бросилась к лунной глефе, заметив краем глаза еще две кошмарные фигуры. Они расплывались, подобно неясным теням, и, хоть разглядеть как следует ни одного из врагов Тиранде не удалось, она заметила в каждом звериные черты. Почему-то это внушало иррациональный страх.

Через секунду две демонических фигуры бросились в бой. Жрица успела подхватить серебристую глефу вовремя и нанесла удар сразу по обоим нападавшим.

Увы, призрачные тела, рассеченные острыми клинками, тут же восстановились, и тени атаковали вновь, на этот раз размахивая острыми когтями.

Тиранда вскрикнула и, собравшись с силами, отступила, пытаясь восстановиться после атаки.

Когти не оставили кровавых следов, и все же в те места, где они коснулись кожи, как будто воткнули ледяные кинжалы. На мгновение Тиранде захотелось бросить оружие и свернуться клубком на полу, вот только это означало бы неминуемую смерть.

Верховная жрица взмахнула глефой, чтобы задержать призрачных нападавших (ранить их она даже не надеялась), но в следующую секунду вновь закричала, почувствовав, как ледяные кинжалы вонзились в спину. Увлекшись боем, Тиранда даже не заметила, как сзади подкралась третья тень.

Глефа выскользнула из ослабшей руки, а жрица на мгновение задумалась, почему же никто не услышал ее крики и не прибежал проверить, все ли в порядке. Возможно, демоны использовали какие-то чары, чтобы заглушить происходящее в шатре. Очень скоро они убьют ее, и никто об этом даже не узнает, пока не придет сюда по другим причинам.

«Нет... Я не сдамся! – убеждала себя Тиранда. – Я жрица Матери-Луны, во мне сияет свет Элуны».

Подумав так, она вдруг обнаружила, что холод внутри исчез, а вместе с ним и страх, грозивший сломить волю.

– Я верховная жрица Матери-Луны, – провозгласила Тиранда, обращаясь к кошмарным теням. – Да испепелит вас свет Элуны!

Шатер наполнился серебристым сиянием, и черно-изумрудные демоны съежились, не в силах вынести величие богини.

Но даже несмотря на эту маленькую победу, Тиранда не спешила расслабляться. Она вверила себя Элуне и тут же ощутила покой. Могущественная богиня защитит свою дочь.

Сияние усилилось в тысячу раз.

Чудовищные демоны с низким рычанием и шипением растворились в воздухе, как будто и в самом деле были сотканы из тени.

В шатре резко стало темно. Тиранда пыталась восстановить дыхание. Свет Элуны померк, и жрица вдруг обнаружила, что сидит на земле в позе для медитации. Она коротко взглянула на глефу. Та по-прежнему лежала рядом с одеялами, как было до неожиданного вторжения демонов. Да и нападали ли они вообще? Боль от всаженного в спину ледяного кинжала вернулась. А может, это просто холодок пробежал по коже? Тиранда слегка дрожала. Во рту пересохло, сердце по-прежнему колотилось в груди.

Жрица встала, и вдруг в шатер ворвалась стражница. Тиранда, тщательно скрывая эмоции, спокойно встретила ее обеспокоенный взгляд. Судя по выражению лица, стражница понятия не имела, что кто-то пытался убить ее госпожу.

– Прошу прощения, – пробормотала вошедшая эльфийка. – Я услышала тяжелое дыхание и испугалась, что что-то случилось.

– Я всего лишь переусердствовала с тренировкой и запыхалась.

Стражница нахмурилась, кивнула и низко поклонилась, начав пятиться к выходу.

У Тиранды же родилась идея. Это странное и зловещее видение многое объясняло, но, чтобы действовать наперекор намерениям верховного друида Фэндрала, жрице сперва нужно было кое о чем позаботиться.

– Постой.

– Моя госпожа?

– У меня есть задание. Оно касается одного друида.

Броллу Медвежьей Шкуре было тесно в обителях друидов, которые невольно навевали воспоминания о рабском прошлом. Поэтому он решил присоединиться к небольшой группке путников и спать под открытым небом на специально отведенном участке Лунной поляны. Хамуул устроился совсем рядом, справа. Бролл ощущал некоторое родство с тауреном, ведь они оба в определенном смысле выделялись среди остальных друидов.

Если не считать Вариана Ринна и юной Валиры Сангинар, *разбойницы и эльфийки крови*, Хамуул был его ближайшим другом. Пожалуй, со стороны такой выбор компании мог показаться *странным*, но с некоторых пор Бролла мало заботило чужое мнение.

Чего нельзя сказать о тревожных мыслях, из-за которых ему было так трудно уснуть. Таuren рядом похрапывал, а Бролл вспоминал о юной Валире, которая стала ему почти как дочь. Как и другие представители ее народа, Валира впала в зависимость от тайной магии. Такова была участь всех высших эльфов после разрушения Солнечного Колодца, источника их силы. Бролл почти сумел помочь ей преодолеть тягу к магии, но обстоятельства вынудили Валиру вернуться к пагубной зависимости. Перед вызовом на совет друидов им пришлось распрощаться на некоторое время. Бролл надеялся, что Валире стало лучше, и в то же время опасался, как бы тяга не усугубилась.

Друид яростно зарычал и попытался успокоиться. Сейчас он ничем не мог помочь своей подруге. Как ни странно, эта мысль снова заставила Бролла вспомнить о шан’до. Впервые за все время он *начал* кое-что понимать. Суть, к сожалению, неизменно ускользала от его измученного тревогой разума. Бролл снова и снова пытался сосредоточиться, но истина как будто отдалась все сильнее и сильнее. Он почти...

Вдруг позади, из-за деревьев, послышался чей-то легкий, едва различимый вздох.

– *Отец...*

Ночной эльф застыл. Неужели это... она? Бролл тихо сел.

– *Отец...*

Снова! Он помнил этот голос лучше, чем свой собственный. Бролл задрожал. Нет, это *не могла* быть она.

Не могла, просто не могла! Нет, это не *Анесса*.

Бролл бросил взгляд на Хамуула, по-прежнему спокойно похрапывавшего. Чуткий слух таурина не улавливал никакого шума. Стало быть, Броллу действительно только почудилось.

– *Отец... Ты нужен мне!*

– *Анесса!* – выдохнул Бролл. Нет, не почудилось!

Друид, не раздумывая, встал и осмотрел деревья, ища свою дочь. Кричать он не мог, опасаясь, что не только привлечет нежелательное внимание, но и спугнет любимую Анессу.

«Но ведь... – подумал он, – Анесса умерла. И в этом виноват я!»

Бролл в подробностях помнил тот день, и все же ничего не мог с собой поделать. Сердце забилось чаще. Он несмело шагнул в том направлении, откуда слышал голос.

– *Отец, помоги мне...*

Глаза обычно невозмутимого друида наполнились слезами. Да, Бролл помнил день ее смерти и знал, что во всем виноват сам. Утихшая было боль вернулась, а вместе с ней – и воспоминания о битве с демонами.

Анесса мертва...

«Но ведь она зовет меня! – пронеслась в голове такая простая мысль. – На этот раз я смогу ее спасти!»

Между деревьев мелькнула какая-то тень. Бролл бросился вслед за ней. Но тут мир как будто *подернулся рябью*. Деревья растворились, словно дым. Неясная фигура отдалась. Небо и земля поменялись местами. Бролл, чувствуя, как плавятся кости, позвал дочь.

Из леса что-то двигалось к нему навстречу. Оно приблизилось, на ходу превратившись в нечто кошмарное, искаженное, но, сколько бы друид не приглядывался, различить ничего не мог. Странная фигура напоминала...

Бролл попытался закричать и вдруг проснулся.

Зрение восстановливалось медленно, но вскоре он понял, что оказался совсем в другом месте, не на опушке леса, а на земле, где, похоже, спал. Бролл поднял взгляд вверх. Если судить по солнцу, прошло уже несколько часов.

Дул легкий ветерок, щебетали птицы, но какого-то звука не хватало. Бролл оглянулся вправо и увидел Хамуула, внимательно наблюдавшего за ним. Верховный друид стоял, припав на одно колено, рядом со своим дрожащим другом.

– Да, ты в самом деле проснулся, – заметил он, уловив неуверенность Бролла. – Что-нибудь случилось? Ты выглядишь...

Однако ночной эльф перебил его:

– Просто сон. Точнее *кошмар*.

– Сон... Что ж, как скажешь, – Хамуул немного помолчал и продолжил: – Я проснулся раньше тебя. Сейчас день, а я не ночной эльф и всего лишь прилег подремать. Я слышал, как ты что-то говорил, постоянно повторял чье-то имя, – нерешительно добавил таурен. – Знакомое, любимое имя.

– Анесса... – События из кошмара на мгновение вспомнились так ярко, что Бролл вздрогнул. Ему и раньше снилась дочь, но тогда все было иначе.

При упоминании этого имени Хамуул коротко кивнул.

– Да, Анесса, – он внимательно посмотрел на друга. – Теперь ты в порядке, Бролл Медвежья Шкура?

– Да, спасибо.

– Все это противоестественно, Бролл, как и твои предыдущие видения. Но на этот раз, думаю, источник другой.

– Хамуул, это просто дурной сон, – ответил Бролл тоном, не терпящим возражений. – И ни он, ни все остальное не значит ровным счетом *ничего*.

Таурен моргнул и пожал плечами.

– Не стану настаивать, друг мой. Я не хочу причинять тебе боль, но мы оба знаем, что это не так.

Больше никто из них не успел вымолвить ни слова, поскольку из леса донесся шорох. Бролл немедленно напрягся, а Хамуул широко распахнул глаза.

Из-за деревьев вышла фигура. На Анессу, вернувшуюся из мертвых, она была совсем не похожа, скорее уж на одну из жриц, которые сопровождали Тиранду к Лунной поляне.

— Моя госпожа хочет поговорить с тобой, друид, — тихо обратилась стройная эльфийка к Броллу и, переведя взгляд на таурена, добавила: — Наедине. Прошу прощения, верховный друид.

Жрица не стала дожидаться ответа и вновь исчезла в лесу, окружавшем обители. Броллу, опытному друиду, не стоило труда ее догнать, но, судя по краткому, загадочному сообщению и напряженной, осторожной походке, поступать так было бы неразумно. Он решил добраться сам, как будто никто его об этом не просил.

— Согласишься? — спросил Хамуул.

— Да, — тут же ответил ночной эльф, — соглашусь.

— Я никому не скажу.

Эти слова много значили для Бролла. Он с благодарностью кивнул и пошел в том же направлении, что и посланница. По пути Бролл обдумывал возможные причины, по которым верховная жрица Элуны и по совместительству правительницаочных эльфов назначила ему тайную встречу. Тиранда Шелест Ветра что-то задумала и явно не хотела ни с кем этим делиться. В том числе и с Фэндралом Оленьим Шлемом.

Хоть мысль эта внушала лишь тревогу, Бролл, кажется, знал, о чем она хочет поговорить.

5

Предательство друида

– Он здесь, – негромко сообщила стражница, переступив порог шатра верховной жрицы.

– Впусти. И следи за входом на случай, если придет кто-то еще, – приказала Тиранда.

Стражница кивнула и вышла, а мгновение спустя в шатер вошел Бролл Медвежья Шкура, всем своим видом выказывая почтение к Тиранде. Он низко поклонился, как и подобало в присутствии правительницы.

– Верховная жрица, ты хотела меня видеть, – произнес он низким голосом.

– Бролл, давай обойдемся без формальностей, мы ведь давно знакомы.

Друид молча кивнул.

– Прошу, – продолжила Тиранда, указав на травяную подстилку, увенчанную изображениями луны, – садись.

Бролл покачал головой.

– Благодарю, но я бы предпочел постоять. Не сочи это за неуважение.

– Что ж, хорошо, – кивнула Тиранда. – Я все равно не собиралась утомлять тебя длинными речами. Скажу сразу, ты имеешь полное право отказаться от моего предложения.

Друид удивленно приподнял густые брови. Конечно, Тиранда при желании могла бы сильно усложнить ему жизнь и *приказать* выполнить то или иное поручение, но это было не в ее стиле.

– Бролл, я могу обратиться с подобной просьбой только к тебе. Я возлагаю на тебя большие надежды, как на того, кто заслужил доверие Малфуриона и носит отметку величия. Кроме того, я не забыла о твоих подвигах времен Третьей войны, – проговорила Тиранда, взглянув на венчавшие голову Бролла рога.

– Госпожа, твои слова льстят мне, – ответил друид и опустил глаза. – Но, боюсь, ты преувеличиваешь. Я провел слишком много времени вдали от друидов, и Малфурион вряд ли бы это одобрил. – Бролл коротко взглянул на лунную глефу, лежавшую на столе.

Тиранда же внимательно смотрела на него. Верховная жрица специально положила оружие на виду, чтобы напомнить Броллу о гладиаторском прошлом. Она неслучайно выбрала именно этого друида, надеясь, что недавние странствия укрепили его верность Малфуриону настолько, что он будет готов поступиться интересами Круга Кенария ради важного задания.

– Нет, я вовсе не преувеличиваю. Перед уходом Малфурион выразился очень ясно. Он прекрасно понимал, какую злость и боль ты испытываешь, и знал, что тебе придется оставаться с этими чувствами наедине, – сказала Тиранда, прищурившись. – Скажу прямо, Бролл, мы должны вернуть дух Малфуриона в тело. Видение, ниспосланное мне Элуной, было четким и ясным: он умирает, и умирает очень быстро. Малфурион не продержится до того момента, пока Фэндрал реализует свои планы! В этом я полностью уверена. Понимаю, верховный друид желает только добра, но переубедить его не удастся никому, даже мне. Мы с тобой должны освободить Малфуриона из заточения.

Бролла обуревали сомнения.

– Ты уверена? Видение не могло быть ложным?

– Его послала мне сама Мать-Луна, – ответила Тиранда без тени сомнений. Элuna никогда не обманывала тех, кто в нее верит.

К счастью, Бролл наконец кивнул. Какая в нем чувствовалась решимость! Тиранда сразу поняла, что сделала правильный выбор.

– Я знаю тебя и знаю нашу богиню, – ответил он. Как и большинство ночных эльфов, Бролл с раннего детства поклонялся Элуне. Путь друида открылся ему много позже, но даже

после этого почтение к богине никуда не исчезло. – И хотя с уважением отношусь к Фэндралу и ценю его мнение, однако последние события подсказывают, что ты абсолютно права. Госпожа, если у тебя есть план, я заранее с ним согласен. Мы должны что-то предпринять. Как бы я ни относился к верховному друиду Фэндралу, боюсь, положившись только на помощь Тельдрасила, мы лишь свернем с нужного пути. Что же ты задумала?

Бролл и сам не ожидал, что так легко согласится, однако у него были на это причины. Да, сперва план Фэндрала казался вполне разумным и даже вселял определенную надежду. Однако речь Тиранды лишь усилила ту неуверенность, которую зародило последнее и самое ужасающее из видений. Во всем произошедшем чувствовался отпечаток порчи. Здесь наверняка был замешан Кошмар! Внезапные видения, да еще и этот сон с погибшей дочерью. Опасения верховной жрицы казались Броллу вполне оправданными. Близилось что-то страшное, и Малфуриону грозила смерть.

«Нет, наверняка исцеление Тельдросила займет очень много времени, – подумал друид. – Но Фэндрал не хочет этого понять».

Между тем, Тиранда так и не ответила на вопрос, и Броллу пришлось его повторить.

Верховная жрица тут же отвела взгляд. Все ее намерения строились на знаниях о друидах, полученных от Малфуриона. Тем не менее, существовала пугающая вероятность, что Тиранда просчиталась, и план рухнет даже до того, как удастся привести его в действие.

– Я хочу, чтобы ты отправился в Тенистую Крону.

При упоминании этого места Бролл едва заметно напрягся, и неслучайно. Он сразу же догадался, чего хочет Тиранда.

– Тенистая Крона, – пробормотал Бролл. – Да, теперь я понимаю. Это разумный ход, ведь у нас на счету каждая секунда, и теперь...

Тиранда воспрянула духом.

– Как думаешь, сработает?

– Моя госпожа, возможно, это наш единственный шанс. Вот только придется трудно, разве что...

Тиранда терпеливо ждала продолжения, но, поняв, что Бролл крепко задумался, спросила:

– Разве что что?

– Лучше тебе не знать, – тихо сказал он, покачав головой, а потом как будто обрел внутреннюю уверенность и добавил: – Я отправлюсь туда.

– Но не стоит забывать о совете друидов и планах Фэндрала, – продолжила верховная жрица. – Тебе следует подождать, пока все успокоится. Впрочем, боюсь, нам нельзя терять ни секунды.

– Есть одно дело, с которым мне нужно разобраться, верховная жрица. Если верховный друид Фэндрал не застанет меня на месте преступления, я отправлюсь в путь сразу же, как только закончу, – произнес Бролл, нахмурившись. – Однако сперва мне все-таки нужно вернуться в Анклав Кенария вместе с остальными.

И снова Тиранда тщетно ждала более подробного объяснения. Наконец она кивнула, рассудив, что Бролл утаил подробности ради ее же блага и ради их общей цели – спасения Малфуриона.

– Спасибо, – тихо сказала она и тут же напряглась вновь. – И еще кое-что. Не стоит отправляться в путь одному. Я пошлю тебе навстречу Шандрису. Полагаю, ты знаешь, где находится Аубердин?

– Да, я бывал там. Друиды редко заходят в эти края, и я предпочел бы другой маршрут. Но ты настаиваешь на том, что мы с Шандрисой должны встретиться в Аубердине?

– Да, и оттуда двигаться в сторону Ясеневого леса.

Броллу явно не понравилось такое решение, и скрывать своих эмоций он не стал.

– Я уважаю генерала армии Часовых и восхищаюсь ее талантами, но все же предпочел бы путешествовать один.

Однако Тиранда была непреклонна:

– Нет. Если придется, я могу приказать...

Бролл что-то раздраженно проворчал.

– Не придется. Если ты считаешь, что так будет лучше для Малфуриона, то я полностью доверяю этому решению, верховная жрица.

Тиранда тут же смягчилась и неожиданно вытянула руку, коснувшись плеча Бролла. Ее ладонь засияла лунным светом, на мгновение охватившим Бролла и проникшим *внутрь* его тела.

– Да пребудет с тобой благословение Матери-Луны и моя благодарность.

Ночной эльф низко поклонился.

– Это честь для меня, госпожа.

– Для тебя я просто Тиранда.

Друид снова поклонился и собрался уходить.

– Нет, Тиранда ты для Малфуриона, а для меня – верховная жрица, символ надежды всего нашего народа, – произнес он и тихо покинул шатер. Тиранда поджала губы, размышая, правильно ли поступила.

Впрочем, одного взгляда на лунную глефу хватило, чтобы вернуть ей решимость.

Вернувшись, Бролл не стал ни о чем рассказывать Хамуулу, а тот, невозмутимый, как и всегда, не задавал лишних вопросов.

К сожалению, поспать ночному эльфу так и не удалось.

Когда друиды стали готовиться покинуть Лунную поляну, Бролл лишь почтительно поклонился Тиранде, как и его собратья. Со стороны можно было подумать, что их не связывали личные отношения.

Сестры Элуны решили вернуться в Дарнас привычным способом, оседлав могучих гиппогрифов. Фэндрал Олений Шлем обменялся парой слов с верховной жрицей и повел друидов на уединенную поляну.

– Сложившаяся ситуация вынуждает к активным действиям, и я решил, что мы должны снова попытаться исцелить Мировое Древо, – объявил Фэндрал, пока все остальные готовились к возвращению домой. – Начнем сегодня же ночью.

– Сегодня ночью? – удивился один из друидов. – После длительного перелета?

– Разумеется, не сразу. Сперва мы уделим некоторое время медитации, а затем я придумаю, как нам лучше распределить усилия, ведь идол Ремула теперь использовать нельзя, – пояснил Фэндрал и жестом отмахнулся от возможных возражений. – Решено! А теперь предлагаю поторопиться, Малфурион ждет нашей помощи!

Фэндрал воздел руки, и все друиды стали преображаться. Их тела согнулись, а фиолетовая кожа скрылась под слоем перьев. Носы вытянулись вперед и превратились в клювы.

Наконец они приняли облик буревестников и взмыли в воздух, растворившись в ночном небе.

Фэндрал, преобразившийся в самую крупную птицу с серебристыми полосами на каждом крыле, задавал всей стае быстрый темп. Ему явно не терпелось поскорее вернуться к Тельд-рассилу. Редкое зрелище! Таинственным искусством полета могли овладеть лишь самые умелые и могущественные защитники природы. И в самом деле, за исключением Бролла, все здесь были верховными друидами. Очередной дар великой силы, которая скрывалась внутри и которую он не мог подчинить себе настолько, чтобы занять законное место среди собратьев. Бролл оказался здесь исключительно благодаря Фэндралу, и это лишь усугубляло чувство вины за предстоящий поступок.

Ночной эльф летел в самом хвосте. Его друг Хамуул держался впереди на некотором отдалении. Из-за него Бролл тоже волновался, но таурен, к счастью, следил лишь за тем, чтобы не отстать от остальных. Хамуул, несомненно, обладал большой силой, и все же считался довольно зрелым представителем своего народа, а потому прикладывал немало усилий, держась вровень с ночными эльфами.

Через несколько часов впереди показались очертания Мирового Древа. Фэндрал спикировал, стая буревестников последовала за ним, а Бролл незаметно отстал и поднялся повыше. Стارаясь изо всех сил, ночной эльф в обличье птицы взмахнул могучими крыльями и стал набирать высоту. Огромный ствол Тельдрассила сперва казался непреодолимой преградой, но друид не останавливался и наконец затерялся в густой кроне, ловко маневрируя между огромных ветвей.

Вдруг листва зашевелилась. Бролл лишь на мгновение увидел крупное, живое дерево с длинными клыками и лиственной кроной. То было одно из древ войны. Эти создания не только защищали Тельдрассил и народочных эльфов, но и обучали воинов Дарнаса тому, как использовать в бою беспощадную силу природы.

Древо войны, похоже, не заметило вторжения, что было Броллу только на руку. Он не боялся нападения и опасался лишь, что страж без злого умысла расскажет об этой встрече Фэндралу. Конечно, верховный друид и так обо всем узнает, но Бролл предпочитал, чтобы это произошло как можно позже, ведь к тому моменту он успеет сбежать.

Или умрет, если все пойдет не по плану.

После этого друид всеми силами старался избегать встреч с другими, более коварными стражами, таившимися в ветвях. Крону Тельдрассила защищали Часовые, воительницы Дарнаса. Их предводительница, неутомимая Шандриса Оперенная Луна, была всецело предана верховной жрице.

Мало кто мог сравниться в мастерстве с этой ночной эльфийкой, которую много тысячелетий назад Тиранда спасла во время очередной битвы с демонами Пылающего Легиона. Шандриса, как и многие тогда, осталась сиротой. Под бдительным взором верховной жрицы она стала одной из самых искусных воительниц среди всех ночных эльфов.

Совершенно неудивительно, что именно ее Тиранда выбрала в качестве помощницы Бролла. Верховная жрица не поручила бы никому другому столь важное и рискованное задание. Друид и сам был полыщен, что ему удалось заслужить доверие Тиранды.

Впрочем, думать об этом сейчас не стоило. Почти добравшись до пункта назначения, Бролл очистил свой разум от посторонних мыслей. Буквально через мгновение он пролетел сквозь густую листву и оказался в районе столицы, известном как Анклав Кенария.

Как и в случае с самим Дарнасом, постороннему наблюдателю было трудно поверить, что это место построено прямо на верхушке *древа*. Анклав окружали высокие дубы и ясени с магическими рунами, вырезанными на коре. А внутри круглой рощи расположились ни на что не похожие строения из деревьев и камней причудливой формы. Здесь обычно и собирался совет друидов. Самое крупное из строений было новой резиденцией Фэндрала Оленьего Шлема.

Однако Бролл-буревестник не торопился лететь прямиком к жилищу верховного друида и вместо этого сел на одну из ветвей, чтобы осмотреться. В Анклаве Кенария царила безмятежная, умиротворяющая атмосфера, однако и здесь были стражи, в том числе те, которых назначил лично Фэндрал.

Бролл перелетал с одной ветки на другую, держась в тени, чтобы не привлекать внимания обитателей этого места и одновременно не отдаляться от жилища верховного друида. Приходилось двигаться быстро, но осторожно.

Казалось бы, здесь не было никакой опасности, однако Бролл внимательно осмотрел зелено-красное строение и заметил украшавшие его тонкие лозы. Он склонил голову набок и пригляделся к крохотным бутонам, которыми были усыпаны змеившиеся стебли. Только

по ним можно было определить, какое именно растение охраняло вход в жилище, и понять, насколько же хитер Фэндрал. Выяснить, что за лозы оплетают святилище, – непростая задача даже для большинства друидов.

Бролл-буревестник изогнул шею, вырвал собственное перо, а потом, не обращая внимания на боль, поднялся повыше и сбросил свою ношу прямо на лозы.

Перо полетело вниз, бутон тут же раскрылся и из него брызнул сок. Перо отяжелело, с глухим звуком упало на землю, а сок затвердел.

Таких крохотных бутонов было здесь несколько сотен, а быть может, и тысяч. Если из каждого брызнет сок, Бролл, подобно птичьему перышку, окажется в ловушке и просидит здесь до самого возвращения Фэндрала.

Друид продолжил наблюдать за лозами и заметил, что несколько пчел свободно пролетело мимо бутонов.

Тогда Бролл-буревестник коротко и радостно заклекотал и бросился вниз, приземлившись как можно дальше от резиденции верховного друида.

Бролл принял свой обычный облик и, не теряя ни секунды, что-то тихо забормотал. В заклинании не было слов, только резкие жужжащие звуки.

Его зов не остался без ответа, и через мгновение вокруг стали появлятьсяся пчелы. Бролл не умолкал, наблюдая за крохотными насекомыми, которые с любопытством летали рядом.

Друид стал читать заклинание быстрее, и пчелиный рой тут же полетел к опутанному лозами святилищу.

Бролл снова превратился в буревестника и полетел следом за насекомыми, которых, несмотря на такую перемену, становилось все больше и больше. Все они явились на его зов. Пчелы собирались точно в том месте, на которое указал Бролл, – у толстых лоз, оплетавших окно.

В обычной ситуации даже на полной скорости буревестнику не удалось бы пролететь незамеченным, но пчелы облепили бутоны, жадно ища цветки, о которых сообщил Бролл, когда их звал. Конечно, ему не хотелось прибегать к подобным хитростям, но выбора не было.

Пчелы добросовестно выполнили свою задачу, и буревестник стремительно полетел к окну. Как только он добрался до места, бутоны запульсировали, но выпустить сок не смогли из-за облепивших их насекомых.

Крупный буревестник едва втиснулся в оконный проем, приземлился на пол и снова превратился в ночного эльфа. Бролл знал, где хранился нужный ему предмет, и осознавал, что Фэндрал едва ли ожидал от кого-нибудь дерзости, подобной той, на которую он решился.

Не обращая внимания на все остальное, друид уверенно направился к сундуку из сталь-травы. Это растение вполне оправдывало свое название, и мягкие стебли в руках умельцев становились крепче металла. Рядовой эльф вряд ли смог бы прорезать отверстие или взломать замок, но Бролл был не понаслышке знаком с методами Фэндрала, ведь их обоих обучал Малфурион. Кроме того, Медвежья Шкура обучился некоторым приемам, о которых не подозревал даже нынешний лидер друидов.

Бролл прикоснулся к сундуку, чтобы оценить прочность плетения. Он ощущил присутствие связывающих заклинаний, догадался, как именно Фэндрал придал сталь-траве форму, и наконец высвободил стебли, удерживавшие крышку.

Чуть помедлив, Бролл наконец вскрыл сундук.

Внутри лежал идол Ремула. Казалось, могущественный артефакт, которому умелые руки Хранителя придали форму дракона, обладал собственной волей и был рад, что друид пришел его забрать.

Бролл же вспомнил ту страшную битву, демонов Пылающего Легиона и властителя преисподней Азгалора, который вел их в бой. И вновь он пережил мгновение, когда идол выскользнул из рук, став мишенью для оскверненного клинка, а неконтролируемая сила поглотила ту

единственную, что осталась рядом с ним. Его дочь. Такую смерть едва ли можно было назвать быстрой и легкой. По всему телу Анессы появились страшные ожоги, плоть сгорала прямо на глазах у горюющего отца...

Бролл стиснул зубы и попытался подавить боль, вызванную воспоминаниями о том страшном поражении. Нельзя, чтобы эмоции взяли верх! Он заполучил идол. Только это сейчас важно. Это, да еще спасение Малфуриона.

Велика была вероятность, что Фэндрал все же решит воспротивиться воле Ремула и забрать артефакт сразу по возвращении, однако верховный друид вопреки опасениям не посмел ослушаться хранителя Лунной поляны. Только поэтому Бролл и преуспел в своей миссии. Ночной эльф осторожно достал идол из сундука, уже не в первый раз поразившись его потустороннему могуществу. Трудно было поверить, что столь искусное творение стало источником великого зла. Разумеется, идол очистили от влияния Скверны, и теперь опасаться нечего.

Бролл вспомнил былое предостережение Ремула, но ведь другого выбора нет. Отступать уже поздно! Ему нужен идол. Нужно только помнить об осторожности.

Наконец, отбросив сомнения, Бролл быстро закрыл и запечатал сундук.

«Теперь ко всем моим достижениям добавилось еще и воровство, — с горечью подумал он. — Вариан и Валира повеселились бы».

Бролл спрятал артефакт в плаще. Теперь при перевоплощении в птицу он попадет в то же сотворенное магией место, что и одежда и прочие личные вещи.

Однако, превратившись в буревестника, он услышал какой-то грохот. Брол склонил птицью голову набок и увидел идол, лежащий на полу.

С раздраженным хриплым карканьем друид взлетел и схватил артефакт цепкими когтями. Теперь нужно торопиться! В обычной ситуации буревестник едва ли привлек бы к себе внимание, но вот статуэтка в птичьих лапах наверняка вызовет вопросы, а этого Броллу совсем не хотелось.

Наконец он развернулся к окну, взмахнул крыльями и вдруг заметил еще одну статуэтку, стоявшую на ветке дерева, судя по форме, служившей одновременно столом и полкой. Фигура была украшена рунами, но внимание Бролла привлекло нечто другое. Статуэтка представляла собой молодого ночного эльфа, очень похожего на Фэндрала. Однако с верховным друидом его было спутать сложно.

Вальстанн... Буревестник почтительно склонил голову. Как и сам Бролл, Фэндрал потерял своего единственного ребенка, сына. Вины верховного друида в гибели Вальстанна не было, и все же, несмотря на столь разные ситуации, общая трагедия объединяла двух безутешных отцов.

Теперь же Бролл собственными руками разорвал эту связь.

От невеселых размышлений друида оторвали пчелы, которые явно начали терять интерес к бутонам. Бролл взмахнул крыльями и полетел к окну. В этот момент первый рой пчел с жужжанием взвился в воздух. Друид заторопился, сложил крылья и вылетел в окно.

Пчелы разлетались в разные стороны. Их было слишком много. Значит, теперь часть бутонов освободилась!

В этот момент что-то задело кончик левого крыла. Бролл метнулся в сторону. Только это его и спасло: бутон выстрелил липким соком ровно в то место, где мгновение назад была птичья голова.

Хоть очередной снаряд все-таки задел правую лапу, буревестник успел отлететь на безопасное расстояние, но даже тогда не сбавил скорости. Бролл совершил нечто немыслимое! Оставалось надеяться, что этот безумный план поможет спасти положение.

Теперь всем было очевидно, Малфурион затерялся в глубинах Изумрудного Сна. Связаться с великим Аспектом Изерой и другими зелеными драконами, охранявшими это вол-

шебное измерение, не удавалось. А значит, идея Тиранды направиться в Ясеневый лес имела определенный смысл. Однако для того, чтобы преуспеть, им понадобится некто более могущественный, чем одинокий друид с сомнительными способностями, или жрица богини Луны.

Бролл намеревался связаться с новым союзником, использовав идол Ремула. Если выживет в процессе попытки, конечно.

Тура прорубала себе путь через густые заросли. Практическая, как и всегда, она не видела ничего плохого в том, чтобы использовать волшебный топор для выполнения столь рутинной работы. В конце концов, на что нужно оружие, с помощью которого нельзя добраться до врага?

Тура чувствовала, что неумолимо приближается к своей цели. Она понятия не имела, сколько еще продлится путешествие, – закончится ли оно завтра или займет еще много дней, – но точно знала, что совсем скоро узнает, где искать ночного эльфа-предателя.

Наконец лес уступил место открытому пространству. Вдаль тянулась цепь высоких холмов. Внутри них Тура заметила пещеры разного размера и сразу же перехватила топор поудобнее на случай, если придется защищаться. В пещерах вполне могла таиться опасность. Например, голодные звери или дикие тролли.

Приблизившись к холмам, Тура сразу обратила внимание на странную тишину, царившую в этом месте. Куда же пропали все птицы? Через некоторое время ей удалось различить журчание нескольких насекомых, но кого-то покрупнее на горизонте видно не было. Из этого следовало сразу два вывода: во-первых, поохотиться вряд ли удастся, а во-вторых, возможно, сама Тура станет для кого-то добычей.

Буквально через несколько минут орчиха поняла, что ей следует отдохнуть. Выбора нет, придется рискнуть и лечь спать. Тура оглядела темные провалы пещер и выбрала ту, которая казалась слишком маленькой для логова крупного хищника, но в то же время достаточно большой, чтобы разместиться внутри.

От входа до тупика, кончавшегося изогнутой каменной стеной, было не больше четырех метров. Убедившись, что в пещере нет никаких скрытых туннелей, которые могли бы представлять опасность, воительница устроилась в углу, так, чтобы видеть и само пространство пещеры, и вход в нее.

Из еды у Туры почти ничего не осталось: разве что три куска сушеной козлятины, несколько медленно гниющих корнеплодов да мех с водой, заполненный только наполовину. Тура тщательно разделила свои припасы, съела кусок мяса и один корнеплод, а затем сделала два небольших глотка солоноватой воды. Пищи в последнее время отчаянно не хватало, и желудок запротестовал было, но орчиха не обратила на это внимания. В этих местах почти не водилось дичи, да и чистую воду достать было невероятно трудно. Туре удавалось найти лишь минимум пропитания, чтобы продолжать двигаться к своей кровавой цели. Орчиха отбросила все повседневные нужды, решив позаботиться о себе потом, если выживет, конечно.

Вдруг послышалось какое-то шипение.

Тура лишь через секунду поняла, что звук на самом деле доносился снаружи. Орчиха поборола усталость, встала и направилась к выходу, покрепче перехватив топор. Она ожидала увидеть змею или ящерицу, но, как оказалось, шипела тварь покрупнее.

Теперь ясно, почему здесь не было ни животных, ни птиц!

Тура подождала, но звук так и не повторился. Тогда она решилась выйти из укрытия, приготовившись сразить *любого* врага, каким бы он ни был.

Поднявшийся ветер был таким сильным, что едва не отбросил Туру обратно в пещеру. Мир погрузился во тьму и, казалось, будто что-то огромное затмило звезды и луны.

И действительно, орчиха разглядела огромную тень, бросившуюся ей навстречу. Кто-то пронесся мимо и исчез вдали.

Тура отошла от пещеры, пытаясь разглядеть, кто это был. Огромная фигура все еще виднелась на горизонте.

Подождав, пока она вновь взмоет в небо, Тура вернулась в пещеру и легла, не выпуская из рук топор. В ее глазах как будто зажегся огонь.

Это был знак! В последний раз Туре вновь приснился все тот же сон, но только теперь ей удалось разглядеть кое-что еще, в самом конце. Там была едва различимая смутная тень, и орчиха осознала увиденное лишь много позже.

Ту же тень она увидела и сегодня. Это был дракон!

6

О драконах и хитростях

Заметив огромную тень, Малфурион сразу догадался, что ему предстоит очередная попытка.

Темно-изумрудные призрачные щупальца подбирались все ближе. То, что сперва напоминало искореженные костлявые пальцы, вскоре превратилось в силуэт огромного, чудовищного дерева, которое затмило собой изуродованного верховного друида. Но даже теперь, не имея возможности оглядеться по сторонам, Малфурион понимал, что никакого дерева не существует. Есть лишь эта пугающая тень, явившаяся из ниоткуда.

— *Скажи, ты видишь их сны?* — глумливо произнес Владыка Кошмара. — *Чувствуешь их страхи? Никому не спастись, даже тем, кто тебе дорог!*

Малфурион ничего не ответил, хоть и прекрасно понимал, что тюремщику ничего не стоит почувствовать его истинные эмоции. Помня об этом, он изо всех сил старался закрыться, погрузиться в глубь самого себя. Нужно попытаться успокоиться! Только так получится избавить от мучений всех остальных.

И лучше бы Владыка Кошмара ничего не узнал о том, чем на самом деле был занят Малфурион. Вероломный тюремщик считал, что заклинания, сковывавшие пленника, мешали тому связаться с возлюбленной Тирандой или с кем-нибудь еще. В общем и целом, так и было. Однако Малфурион учился друидизму десять тысяч лет не для того, чтобы сдаться без боя. Разумеется, он не осмеливался обратиться к Тиранде или своим приближенным, однако существовали другие способы связаться с внешним миром, сложные и требовавшие немалой концентрации. Если Владыка Кошмара что-то заподозрит, уже никто не сможет помочь ни Малфуриону, ни всем остальным.

Тень разрасталась, искасалась и подбиралась ближе, как будто хотела как можно лучше разглядеть свою добычу. С телом Малфуриона, превращенным в дерево, вновь случилась мучительная, жуткая перемена: на ветвях, усыпанных листьями, распустились черные цветки. Каждый бутон был подобен игле, острый конец которой вонзался в глаза беспомощного пленника. В считанные секунды сотни цветков покрыли верхнюю часть ствола, и на каждом из них стали набухать изумрудные яйца.

Малфуриону хотелось кричать, но сделать этого он, разумеется, не мог.

Из одного яйца вылупилась какая-то тварь с крыльями и щупальцами. С каждым движением она источала воплощенный Кошмар.

Вскоре треснуло и второе яйцо, за ним следующее, и еще, и еще... Твари ползали по телу Малфуриона, царапаясь и кусаясь.

Через некоторое время мучения закончились — чудовищная стая взлетела и парила над крохотным клочком земли в поле зрения верховного друида. Твари как будто ждали приказаний.

Тень же приблизилась и теперь, казалось, ласково поглаживала каждую из них.

— *Узри же порождения твоего страха и моей воли! Как они прекрасны, правда?*

Словно уловив некий беззвучный сигнал, стая разлетелась в разных направлениях. Вскоре твари растворились в густом и влажном зеленом тумане, который окруживал все вокруг, кроме крохотного участка земли, открытого взгляду Малфуриона.

— *Спящих становятся все большие, друг мой, эти малыши, как и их предшественники, подчиняют разум за разумом. Кошмары делают меня сильнее. За это стоит поблагодарить тебя и всех остальных тоже.*

Малфурион отчаянно сопротивлялся, не желая признавать очевидное. Неужели он собственными руками помогал Кошмару просочиться сквозь пелену Изумрудного Сна? Одна эта мысль вызывала беспокойство, которое не укрылось от взора его тюремщика.

— Да, дорогой друг, ты предал свой народ, свою возлюбленную и весь мир. Ты ведь и сам это знаешь.

Тело верховного друида вновь исказилось. Даже беззвучный крик не помог побороть ужасную боль. Малфурион, несмотря на тысячелетия тренировок и свое немалое могущество, не мог остановить эту страшную пытку.

— Поддайся безумию, Малфурион Ярость Бури, не сопротивляйся. Но помни, даже в этом ты не найдешь утешения. Уж я-то знаю! Я буду ждать. Тебе негде от меня укрыться!

Тень чудовищного древа скрылась из виду, но Малфурион по-прежнему ощущал ее присутствие. Даже теперь, когда руки верховного друида превратились в искореженные ветви, он понимал, что мучения только начинаются. Малфурион был крепко связан и с Изумрудным Сном, и с Азеротом, а потому стал главным инструментом в руках Владыки Кошмара.

Но, как ни горько было это осознавать, далеко не единственным. Зло, таившееся в Изумрудном Кошмаре, поработило еще более могущественных существ, и в то время, пока верховный друид шел навстречу своей ужасной судьбе, они творили страшные деяния. Став верными слугами тьмы, эти создания распространяли Скверну с одной лишь целью — поглотить мир смертных.

Владыке Кошмара удалось подчинить своей воле драконов. Зеленых драконов...

«Какая-то чудовищная сила жаждет захватить весь мир», — подумал загадочный незнакомец в капюшоне, наблюдая за парящими в воздухе сферами.

В каждой из них, повинуясь воле хозяина, отражались самые разные места Азерота.

Безмолвный наблюдатель внимательно следил за ними, устроившись на сиденье, выточенном из сталагмита. Изможденное лицо, скрытое в тени капюшона, на первый взгляд, принадлежало эльфу, а фиолетовые одежды указывали на явную связь с Кирин-Тором. Впрочем, в данный момент он действовал сам по себе. Маги Кирин-Тора (в том числе и их лидер, который некогда учился у этого загадочного незнакомца и знал о нем всю правду) даже не подозревали о том, чем именно он занимался. Прежде объектами его внимания нередко становились младшие расы, теперь же пришло время сосредоточиться на драконих стаях, которые после многовекового затишья вновь проявляли активность. Эта проблема могла бы многих заинтересовать, но едва ли хоть кого-то беспокоила так же сильно, как эльфа в капюшоне, известного смертным под именем Крас.

В конце концов, он тоже принадлежал к роду драконов.

Крас принимал облик худощавого эльфа с ястребиными чертами. Его правую щеку пересекали три длинных шрама с неровными краями, а в серебристых волосах виднелись черные и алые пряди. Впрочем, по цвету волос истинный возраст Краса определить было невозможно, но его глаза, темные и сияющие, просто не могли принадлежать смертному существу. Только они и три шрама на щеке выдавали истинную сущность могучего дракона Кориалстраза.

Он был супругом Аспекта Жизни, прекрасной королевы красных драконов Алексстразы, и помогал ей защищать Азерот.

Именно этим Кориалстраз занимался и сейчас, ведь опасность на сей раз угрожала и Азероту, и драконьему роду. Зло стремилось захватить не только мир смертных, но и Изумрудный Сон. Крас безуспешно пытался связаться с Изерой, однако никак не мог найти ни ее саму, ни остальных зеленых драконов, за исключением одного, но с ним дел иметь совершенно не хотелось.

Крас прекрасно понимал, кто стоит за всем этим кошмаром. В отличие от всех остальных он давно догадался, что именно происходит, и в душе уже знал, чья зловещая тень нависла над миром.

– Я знаю тебя, Разрушитель! – прошептал Крас, наблюдая за одной из сфер. – Имя тебе Смертокрыл.

Все факты указывали на черного дракона, обезумевшего Аспекта, который некогда носил имя Нелтириона, Хранителя Земли. Крас поднялся. Нужно немедленно что-то предпринять!

До боли знакомый смех эхом разнесся по убежищу, скрытому в горах неподалеку от того места, где некогда стоял город магов Даларан. Теперь здесь зиял огромный кратер, и даже Крас был вынужден признать, что заклинание, которое привело к его появлению, было наделено поразительной, даже катастрофической мощью и не могло сравниться по силе с теми, которые когда-либо использовали маги. В отсутствие Даларана у путников не было причин посещать это пустынное место, разве что кому-то из них захотелось бы отыскать драконьего мага, укрывшегося в горах.

Крас вскочил на ноги, взмахнул рукой, чтобы развеять изображения в сферах, и вдруг увидел, что во всех них застыло одно и то же – глаз, пылающий глаз *Разрушителя*!

– Смертокрыл...

Стоило только Красу произнести имя черного дракона, как сферы взорвались. Острые осколки разлетелись по всему залу, попав в каменные стены, известняковые залежи и, конечно, в самого Краса. Защитное заклинание не сработало, и мага отбросило взрывной волной к каменному сиденью.

Хоть в нынешнем своем обличье Крас и напоминал смертного, убить его было гораздо сложнее, чем эльфа или человека. От удара камень треснул, и маг растянулся на груде обломков. Однако боль от падения заботила его гораздо меньше, чем муки, причиненные множеством впившихся в тело осколков.

Крас все же нашел в себе силы встать и нанести ответный удар. Он не обладал великим даром Аспекта, но считался одним из самых сильных и искусных представителей драконьего рода. Кроме того, Смертокрыл дерзнул напасть на могущественного супруга Алексстразы в его же убежище, где тот мог с легкостью воспользоваться силой стихий!

Однако не успел Крас собрать энергию для заклинания, как все его тело пронзила невообразимая боль, и осколки сфер вспыхнули ярким светом.

Те из них, что разлетелись по залу, вдруг взмыли в воздух, и Крас, заметив это, пригнулся. Его тело стало стремительно увеличиваться в размерах, а руки и ноги теперь больше напоминали конечности рептилии. Из спины выросли кожистые крылья, в одно мгновение превратившиеся из крохотных в огромные.

И снова по залу эхом разнесся хохот Смертокрыла, а осколки засияли еще ярче. Вдруг превращение Краса в красного дракона Кориалстраза замедлилось.

Оставшиеся осколки сфер подлетели ближе, но вместо того, чтобы вонзиться в тело, как раньше, прилипли к алой чешуе. Крас попытался сжечь их или хотя бы стряхнуть, но ничего не выходило, и они лишь сильнее впивались в кожу.

Дракон утратил способность двигаться и вдруг с ужасом обнаружил, что осколки начали его *сдавливать*. Крас становился все меньше и меньше так, словно во всем его теле не осталось ни костей, ни мышц.

А потом, когда кошмарное преображение закончилось, он понял, что оказался внутри даже не сферы, а золотого диска.

Крас широко распахнул глаза от удивления.

– Нет...

Прямо перед ним возникла чудовищная, изуродованная шрамами и ожогами морда Смертокрыла.

– Кориалстраз…

Вместо ответа Крас собрал последние силы и попытался разрушить свою тюрьму. Однако диск даже не дрогнул и лишь засиял еще ярче.

– О да, – насмешливо ответил Смертокрыл. – Наполни мое творение силой. Это вполне справедливо, ведь прошлый артефакт ты разрушил!

– Но это невозможно, – покачал головой Крас.

– Еще как возможно, – ответило черное чудовище, ухмыльнувшись и сверкнув острыми зубами. – Ты будешь питать *Душу Демона* до конца времен и станешь ее новым сердцем!

Кошмарный диск ярко вспыхнул, и Крас закричал от боли.

Вдруг он на мгновение увидел самого себя в облике дракона, спящим в горном убежище. Хоть это видение почти сразу исчезло под натиском невыносимой боли, Крас понял нечто важное. Вот почему нападение врага застало его врасплох! Кроме того, едва ли Смертокрыл смог бы воссоздать столь кошмарный артефакт подобным образом.

Теперь Крас знал правду.

Все это время он спал.

Спал в облике дракона и видел такой кошмар, с которым прежде никогда не сталкивался.

Осознав это, Крас вновь попытался вырваться. Никакой ловушки не существует. И Смертокрыла на самом деле здесь нет. Это всего лишь иллюзия.

Однако ничего не изменилось.

Отражение Смертокрыла никуда не исчезло, его смех все так же резал слух:

– Я подчиню себе Алексстразу и займу твое место! Мои дети будут безраздельно править небесами, а Азерот сгорит в пламени вместе с твоими любимыми смертными тварями!

«Это всего лишь сон, – убеждал себя Крас. – Всего лишь кошмар!»

Он прекрасно это понимал и даже начинал догадываться, почему попал в такую подлую ловушку, но проснуться все равно не мог…

Гиппогрифы, впервые оказавшиеся в этой местности, беспокойно дожидались своих наездниц на берегу. Обычно к помощи крылатых созданий прибегали, чтобы добраться до Аубердина, однако на этот раз путникам в силу обстоятельств пришлось приземлиться близ Лунной поляны.

Один из гиппогрифов, блеклоперый самец сине-бирюзовой расцветки с лошадиными ногами, взвился на дыбы. Эта порода, названная в честь высокогорья Блеклых Перьев, превосходно подходила для полетов. Жрица, стоявшая рядом, сказала что-то успокаивающее. Гиппогриф зарылся острыми когтями передних, птичьих лап в землю и склонил увенчанную рогами голову хищной птицы, позволяя себя погладить.

На Лунной поляне остались только Сестры Элуны. Друиды улетели некоторое время назад, приняв облик птиц. Тиранда не стала их задерживать, прекрасно понимая, что Фэндралу не терпелось вернуться домой. Но это даже к лучшему.

Верховная жрица огляделась вокруг, а затем обратилась к своим верным стражницам:

– Я хочу пройтись. Подождите здесь.

Стражницы подчинились, не задавая лишних вопросов. Тиранда развернулась к ним спиной и направилась обратно к деревьям. Она вошла в лес, наслаждаясь красотой лунной ночи и покоем этого места.

На Лунной поляне царила атмосфера безмятежности, но Тиранда все равно хотела поскорее вернуться в тишину храма Элуны. Обязанности правительницы никогда ее не прельщали, и особенно трудно было принимать решения, которые могли привести к смертям невинных. Верховная жрица ценила каждую жизнь. Слишком уж хорошо она помнила предыдущую правительницу, которая была настолько одержима тщеславием, что собственоручно отправила

свой народ на бойню. В представлении Азшары все эльфы существовали лишь для того, чтобы жить и умирать по ее прихоти.

– Но я не Азшара! И никогда ей не стану, – уже не в первый раз тихо произнесла Тиранда.

– Верно, моя госпожа, не станешь. Ты достойная правительница!

Тиранда, нахмутившись, развернулась.

– Достойная, говоришь? Наверняка ее самые верные последователи говорили то же самое, Шандриса.

Собеседница Тиранды была облачена в полный доспех – тщательно подогнанный нагрудник, наплечники, кожаные набедренники с металлическими вставками по всей длине и сапоги. Зеленоватая броня была дополнена фиолетовой окантовкой, прекрасно сочетавшейся с тоном кожи, характерным для большинства ночных эльфов.

– По крайней мере, ты заслужила столь высокую оценку, – ответила Шандриса Оперенная Луна и сняла перчатки.

Она явилась на встречу с верховной жрицей без оружия, как это было принято в Дарнасе. К слову, именно Шандриса, генерал армии Часовых, и настояла на введении подобного обычая. Эта эльфийка выделялась среди представителей своего народа заостренными чертами лица и чуть прищуренными глазами, в которых никогда не угасала решимость. Шандриса Оперенная Луна видела смысл своей жизни в служении верховной жрице, и Тиранда чувствовала себя за это ответственной.

Десять тысяч лет назад во время кровопролитной войны с Пылающим Легионом жрица спасла Шандрису, потерявшую родителей, с поля боя. Спасенная сирота заменила Тиранде дочь, которой у нее никогда не было и вряд ли будет.

Шандриса вытянула шею, защищенную кожаным воротом с металлическими вставками, и насмешливо взглянула на жрицу. Устрашающий образ воительницы дополняли изогнутые линии татуировок на лице – отличительный знак тех, кто прошел обряд инициации. Тиранда вовсе не собиралась превращать испуганную сиротку в искусную убийцу, но судьба распорядилась иначе.

– Не будем это обсуждать, Шандриса, – строго произнесла верховная жрица, намекая на только что высказанную похвалу.

– Хорошо, я ведь все равно права, – ответила Шандриса. Хоть она относилась к своей спасительнице с огромным уважением, все же зачастую выражалась прямолинейно и даже резко. Тиранда больше никому не позволяла с собой так разговаривать. – Как ты и приказывала, прежде чем покинуть остров, я прибыла сюда отдельно от остальных, не привлекая внимания, – продолжила Шандриса, сменив тему. – Возможно, теперь ты все-таки расскажешь, к чему такая секретность? Судя по тому, что мы совсем рядом с Лунной поляной, дело касается друидов, верно?

Шандриса прошлась меж деревьев. Своими плавными движениями она напоминала саблезуба – этих могучих, крупных кошек с острыми, словно бритва, клыками Часовые использовали и как транспорт, и как мощное оружие в бою.

– Да, это действительно касается друидов и Малфуриона, – ответила Тиранда. Ее собеседница кивнула с непроницаемым выражением лица. – Шандриса, мы должны понять, как вернуть его дух в тело. На то есть множество причин. Что бы ни происходило в Изумрудном Сне, это касается не только друидов, но и Тельдрассила, а, возможно, даже некоторой части всего Азерота!

– До меня доходили некоторые слухи с земель людей и дворфов, – сказала Шандриса, прищурившись. – Сперва сообщения были очень неясными, отрывочными и не заслуживали доверия. В них говорилось что-то о тех, кто заснул и не может проснуться. Если задуматься, это очень напоминает случившееся с Малфурионом.

Тиранда взглянула на луну, как будто ища поддержки, а потом сказала, положив руку Шандрисе на плечо:

– Элuna открыла мне, что Малфурион умирает. Думаю, ты и сама об этом знаешь.

– Знаю. Мне жаль, очень жаль, – ответила Шандриса, заглянув ей в глаза.

Тиранда грустно улыбнулась.

– Спасибо. Богиня ясно дала понять, что дело касается не только меня одной. Я должна сделать все, что в моих силах, чтобы спасти Азерот! Именно поэтому мне пришлось обратиться к тебе.

Услышав это, Шандриса Оперенная Луна немедленно встала на одно колено.

– Приказывай, моя госпожа! Я сделаю все, что ты скажешь, и отправлюсь, куда угодно. Моя жизнь, как и всегда, принадлежит тебе!

Тиранда вновь ощутила укол вины.

– Выполнить мою просьбу будет нелегко. Да, ты не ослышалась, это именно просьба, а не приказ.

– Я слушаю.

– Ты ведь знакома с Броллом Медвежьей Шкурой?

– Да, госпожа. Он больше похож на воина, чем на друида, – ответила Шандриса.

– Бролл сейчас направляется в Ясеневый лес, надеясь спасти Малфуриона. Догадываясь, какой именно путь он избрал?

Шандриса всегда стремилась к безупречному выполнению своих обязанностей. Она создала целую цепь осведомителей, действовавших далеко за пределами Дарнаса и других земельочных эльфов. Все, что происходило в Ясеневом лесу, было ей известно. На лице Шандрисы появилось суровое выражение. Впрочем, похоже, она одобрила план верховной жрицы.

– Смелое решение и очень опасное. Пожалуй, это наша единственная надежда.

– Я не допущу, чтобы он отправился туда в одиночестве.

– Я подозревала, что ты скажешь нечто подобное, и заранее подготовилась к долгому путешествию. – глаза Шандрисы сверкнули. Она встала на ноги и прижала кулак к груди. – Готова отправиться немедленно! Я прекрасно понимаю, насколько это опасно и важно. Такое задание нельзя поручить никому...

– Верно, – прервала ее Тиранда, горделиво выпрямившись и дав понять, что теперь будет говорить как истинная правительница своего народа. – Именно поэтому к Броллу отправлюсь я.

Эти слова прозвучали словно гром среди ясного неба. Шандриса отступила и, хватая ртом воздух, пораженно взглянула на верховную жрицу.

– Ты? Но ведь Дарнас так в тебе нуждается! Это я должна...

– Богиня ясно указала, что я, ее верховная жрица, лучше всего подхожу для этой цели. То, что нам предстоит сделать, потребует большого мастерства, и я не имею права рисковать жизнями Сестер Элunu. Кроме того, никто не знает Малфуриона лучше меня. Наша связь очень сильна. Если кто-то и сможет отыскать его дух, то только я сама, – продолжила Тиранда. В ее взгляде читалась непоколебимая решимость. – И, хоть я лично заинтересована в спасении Малфуриона, не стоит забывать, что он, возможно, единственная надежда для всего Азерота! Мой долг как верховной жрицы Элunu отправиться в путь вместе с Броллом.

Выслушав свою госпожу, Шандриса кивнула. Однако у нее остались вопросы:

– А что обо всем этом думает Фэндрал?

– Фэндрал мне не указ!

– Не думаю, что он это понимает, – заметила Шандриса с едва заметным весельем во взгляде. Она была одной из немногих, кто знал, что Фэндрал далеко не всегда соглашался с решениями Тиранды, особенно когда они касались друидов и его сферы влияния. Наконец, вновь приняв серьезный вид, Шандриса продолжила: – А как же Дарнас?

– Шандриса, Дарнас останется на твоем попечении, как бывало множество раз, когда мне приходилось отлучиться по делам государственной важности.

– Но ведь на этот раз все по-другому... – впрочем, несмотря на сомнения, Шандриса вновь встала на одно колено. – Я буду защищать город и наш народ до твоего *возвращения*.

Она сделала акцент на последнем слове так, словно пыталась вселить в Тиранду уверенность, что та *обязательно* вернется. Тиранда коснулась щеки Шандрисы.

– Дочь моя...

Услышав это, суровая воительница резко подалась вперед, обняла Тиранду и спрятала лицо в ложбинке ее шеи.

– Мама... – прошептала она, напомнив ту испуганную сиротку, которой была столько тысячелетий назад.

После этого Шандриса быстро справилась с нахлынувшими чувствами и отстранилась. Если не считать одинокой слезы, скатившейся по щеке, она вновь выглядела, как и подобало хладнокровному генералу армии Часовых. Шандриса отдала честь и сказала:

– В таком случае у меня есть для тебя отличное ездовое животное. Гиппогриф, как я и говорила, готов к длительному перелету. Лучшего зверя тебе просто не найти! Идем, я оставила его неподалеку.

Шандриса развернулась и решительным шагом направилась в чащу леса. По дороге обе эльфийки хранили молчание, думая о своем.

Наконец спустя пять минут Тиранда услышала поступь какого-то крупного животного. Шандриса не выказала волнения, и верховная жрица спокойно направилась следом.

Вскоре они увидели крупного самца-гиппогрифа, привязанного к огромному дубу. Его оперение было ярче, чем у тех, на которых прилетели сюда Сестры Элуны: узор на темных перьях поражал своей красотой, а черные как смоль крылья украшали багряные полосы и светло-бирюзовые отметины вдоль верхнего края. Такие же багряные перья виднелись и на иссиня-черной голове. Кроме того, животное было облачено в шлем и элементы доспехов. Все гиппогрифы отличались невероятной мощью, но этот был выращен специально для войны.

– Мы с ним побывали во множестве битв. Можешь доверять ему так же, как и мне, – тихо сказала Шандриса. – Я назвала его Джай’алатор.

– Доблестный клинок Элуны, – перевела Тиранда. – Какое гордое имя!

Гиппогриф склонил крупную голову. Меньше всего эти крылатые создания напоминали неразумных зверей. Они обладали живым умом и расценивались не как ездовые животные, а как *союзники*. Гиппогрифы сознательно *позволяли* на себе летать.

– Для меня честь путешествовать вместе с тобой, – обратилась Тиранда к могучему зверю.

Шандриса тем временем отвязала гиппогрифа и передала своей госпоже поводья.

– Он откликается на имя Джай. Если полетишь над кронами деревьев, тебя никто не заметит. Я через несколько минут присоединюсь к остальным и задержу их на какое-то время.

Верховная жрица кивнула и взяла поводья.

– Спасибо тебе, – сказала она и добавила: – Шандриса, будь начеку.

– О чём ты? – тут же прищурилась генерал армии Часовых.

Как же описать то зло, с которым Тиранде пришлось столкнуться?

– О врагах, справиться с которыми может лишь свет Элуны.

Шандриса нахмурилась, но ничего не сказала. Она вновь отдала честь, затем развернулась и чеканным шагом направилась туда, где ждали жрицы.

Тиранда смахнула слезы с глаз, а затем полностью сосредоточилась на предстоящем путешествии.

Сложнее всего будет убедить *Бролла Медвежью Шкуру* отвести ее в Ясеневый лес к великоле-
кому древу и порталу в Изумрудный Сон.

7

Аубердин

Бролл приземлился неподалеку от Аубердина, едва подавляя желание поскорее отсюда убраться. Земли, названные Темными берегами из-за укрывавшего их странного тумана, подчинялись Дарнасу, однакоочные эльфы селились здесь нечасто. На Темных берегах пытались осесть многие, не только собратья Бролла, но все попытки оказались тщетными. Теперь здесь встречались лишь руины среди густого леса, где путешественников, добровольно или вынужденно забредших в эти земли, подстерегало множество опасностей.

Аубердин считался единственным опорным пунктом на Темных берегах. Если его, конечно, вообще можно было так назвать. Этот город казался мрачным и ночным эльфам, и людям, и даже дворфам. Небо всегда было затянуто грозовыми облаками, а ветер пробирал до самых костей. Само существование Аубердина было продиктовано скорее необходимостью, ведь ночным эльфам требовалась точка на материке, служащая базой для взаимодействия с внешним миром.

Эльфы из Дарнasa обычно смотрели на живущих в городке с презрением, и даже сам Бролл порой следил этой неприятной тенденции. Аубердин в большинстве своем населяли изгои и отщепенцы. Конечно, был здесь и гарнизон Часовых, и даже несколько друидов, но все они держались от горожан особняком.

Бролл вновь превратился в ночного эльфа и, выругавшись, потряс ногой. В облике буревестника его руки превращались в крылья, а ноги – в когтистые лапы. К несчастью, когда Бролл покидал обитель Фэндрала, на него попал сок бутонов, и идол Ремула намертво приkleился к ноге.

Друид достал из сумки на поясе пригоршню трав и посыпал ими пострадавшее место. Застывший растительный сок наконец размягчился, а потом и вовсе растаял, словно снег на солнце. Идол Ремула упал на землю.

Бролл поднял его и посмотрел в даль. Дорога скрывалась во мраке. Ночного эльфа это не слишком беспокоило, хоть он на мгновение и задумался, почему на горизонте, пусть и окутанном туманом, не видно ни единого огонька. Бролл вспомнил, что и по пути сюда окрестности показались ему слишком уж темными. Аубердин должен хоть как-то освещаться, иначе представители других народов, нередко его посещавшие, попросту не найдут путь!

Наконец, что-то недовольно проворчав, Бролл пошел дальше. Он мог бы приземлиться поближе к городу, но не хотел привлекать к себе лишнего внимания.

Друид спрятал идол в потайном кармане плаща и ускорил шаг. Оставалось надеяться, что Фэндрал не сразу заметит пропажу артефакта. У верхового друида не было причин спешно проверять, на месте ли он, однако Бролл не привык полагаться на удачу.

Взобравшись на вершину холма, он занервничал еще сильнее. Огни в Аубердине и в самом деле не горели. Теперь Бролл видел это ясно и больше не мог списывать все на слишком густой туман.

С нарастающим ужасом друид решил отказаться от первоначального плана и все-таки подлететь поближе к городу. Он достал идол из-под плаща, положил на землю прямо перед собой, вскинул руки и вдруг понял, что больше не один.

Звук хлопающих крыльев наталкивал на мысль, что Фэндрал все-таки бросился в погоню за заблудшим собратом. Однако, взглянувшись в темное небо, Бролл понял, что на самом деле это вовсе не буревестник, скорее уж туманный силуэт гиппогрифа и наездницы. Разглядеть ее было невозможно, но Бролл не сомневался, что это Шандриса Оперенная Луна.

Гиппогриф летел низко, над самыми кронами деревьев, и исчез из виду прежде, чем друид смог подать знак. Бролл сомневался, что Шандриса отправилась прямиком в Аубердин. Скорее всего, она тоже выберет место за пределами города и приземлится там. Подобные меры предосторожности могли бы показаться излишними, но в прошлом они не раз сослужили и Броллу, и, несомненно, генералу армии Часовых, хорошую службу. Кроме того, действовать в открытую, учитывая столь подозрительную темноту, окутавшую Аубердин, едва ли разумно.

Бролл быстро превратился в буревестника, подхватил идол и взлетел. Как и гиппогриф, он держался не слишком высоко. Бролл попытался проследить путь Шандрисы, но на горизонте было абсолютно чисто. Скорее всего, она уже успела приземлиться.

До Аубердина теперь не так уж и далеко. С этого ракурса низкие деревянные постройки напоминали окутанные туманом склепы. По меньшей мере, стоило бы осветить мосты и дороги. Во тьме Бролл с трудом различал разве что сводчатые силуэты пары зданий.

«Что здесь случилось?» – подумал он.

Никто из прибывших на совет друидов даже словом не обмолвился о каких-нибудь беспорядках, а ведь некоторые из них наверняка пролетали мимо Аубердина! Если что-то и в самом деле стряслось, то с того момента прошло не больше пары дней.

Бролл приземлился, вернул себе привычный облик, спрятал идол и двинулся к окраине города. Его встретила гробовая тишина. Молчали даже леса –очные животные не издавали ни звука, и в туманном воздухе нельзя было различить даже стрекота насекомых.

Бролл прикоснулся к стволу дуба, надеясь хоть что-нибудь разузнать, и сразу же забеспокоился. Дерево спало столь крепко, что даже магия друидов не могла его пробудить! Бролл подошел к ясеню и обнаружил то же самое.

Тогда всерьез обеспокоенный ночной эльф все же решился войти в город. Как ни странно, с каждым его шагом туман становился только *гуице*. Острое зрение подвело Бролла, и разглядеть хоть что-то за пределами нескольких метров не получалось.

Он принюхался. К счастью, разложением в воздухе не пахло. Ночной эльф опасался самого страшного – чумы или даже нападения врагов, – но, похоже, дело было не в этом. Аубердин находился близко к морю. В таком влажном воздухе тела разлагаются очень быстро, да и вонь от нескольких сотен мертвецов ни с чем не перепутать.

Все здания в городе были построены в характерном для ночных эльфов стиле со множеством арок. В обычных обстоятельствах такое окружение подействовало бы на Бролла успокаивающее, но из-за тумана все постройки приобретали жутковатый вид. Казалось, что сделаны они были не из дерева, а из *костей*. Бролл занервничал и даже прикоснулся к одному из зданий, чтобы убедиться, не случилось ли и в самом деле столь ужасных перемен. Нет, дерево как дерево...

Вдруг ночной эльф уловил какое-то движение и едва различимый звук, который почти сразу стих. Рефлексы, отточенные до совершенства за время тренировок у друидов и годы гладиаторских боев, тут же сработали, и Бролл мгновенно спрятался за одним из зданий. Едва ли кто-то его услышал, что давало определенное преимущество.

В густом тумане раздалось приглушенное рычание. Этот звук точно не мог издавать ночной эльф или представитель похожего народа. Где-то поблизости, по земляным и кое-где вымощенным камнем дорожкам Аубердина рыскал крупный зверь.

Бролл достал из сумки щепотку порошка, ощущив при этом мимолетное жжение в пальцах. Впрочем, он проигнорировал неприятное ощущение и выглянул из-за угла. Навстречу устремилось что-то огромное. Наверняка загадочный зверь наконец его поччял.

Бролл метко бросил пригоршню порошка.

Зверь яростно вскрикнул и взвился на дыбы. Друид пригнулся, надеясь, что загадочное создание не упадет ему на голову. Этого, к счастью, не случилось. Зверь не стал приближаться, но вместо этого взлетел на крышу ближайшего здания, рыча и чихая.

В это же время серебристое сияние рассеяло плотный туман и окружило Бролла, который мгновенно развернулся вправо.

Свет исходил сверху, окружая величественным ореолом жрицу Элуны. Бролл собрался было попросить ее перестать, но потом вдруг понял, кто это.

– Моя госпожа... Тиранда! Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь с тобой встретиться. Как видишь, все пошло не по плану.

Тиранда быстро оглядела темные закоулки с таким видом, словно ожидала, что к ним вот-вот присоединятся незваные гости.

– Ты ведь говорила, что со мной должна встретиться Шандриса! – потрясенно выдохнул Бролл. – Я ее ждал...

– Все верно. Но я решила взять это на себя. Судя по тому, что происходит в Аубердине, я приняла правильное решение. Если бы я сразу раскрыла все подробности плана, ты бы наверняка отказался. Нельзя было этого допустить. Прости, что пришлось прибегнуть к таким методам.

– Верховная жрица, не стоило тебе прилетать! В Аубердине творится что-то ужасное...

Тиранда мрачно кивнула:

– Идем, ты сам увидишь, насколько все плохо.

Зверь, по-прежнему возвышавшийся над ними, низко и яростно зарычал. Бролл догадался, что это гиппогриф.

Тиранда что-то прошептала, и могучее животное нехотя спустилось, приземлившись рядом со своей наездницей. При этом гиппогриф злобно поглядывал на Бролла.

– Что ты сделал с Джаем? – тихо уточнила Тиранда, поглаживая птичью голову с мощным клювом.

– Всего лишь угостил травами, которые вызывают жжение.

Верховная жрица едва заметно улыбнулась.

– Тебе очень повезло. Смею предположить, что если бы ты попытался провернуть этот трюк при других обстоятельствах, Джай разорвал бы тебя на части. К счастью, он знает, что я предпочла бы захватить предполагаемого врага в плен живым, – пояснила Тиранда, продолжая гладить зверя.

– Эффект от трав совсем скоро рассеется, – сказал Бролл.

– Мы не можем ждать.

Тусклое сияние, появившееся откуда-то сверху, окутало глаза гиппогрифа. Тот качнулся головой и заметно повеселел. Верховная жрица удовлетворенно кивнула и вновь перевела взгляд на друида. Выражение ее лица по-прежнему было мрачным.

– Идем, мне нужно кое-что тебе показать.

Тиранда повела Бролла к ближайшему дому. Гиппогриф отправился следом. К удивлению друида, верховная жрица сразу же прошла внутрь. Стало быть, все еще хуже, чем можно было предположить. Бролл заранее опасался того, что увидит внутри.

Дом был украшен на эльфийский манер, вот только все растения выглядели хилыми и больными. Туман, укутавший Аубердин, пробрался даже сюда, и от этого в воздухе ощущалось предчувствие катастрофы.

Джай, слишком крупный, чтобы пролезть в дверной проем, беспокойно заглядывал внутрь. Тиранда тем временем добралась до спальни и, оглянувшись, жестом предложила Броллу подойти.

Тот подчинился, чувствуя нарастающую тревогу. От увиденного он широко распахнул глаза.

На плетеных матрасах лежали двое. Ночная эльфийка обвила рукой грудь эльфа. Оба не двигались, и Бролл сразу заподозрил самое страшное.

– Во всех домах одно и то же, – мрачно заметила Тиранда.

Бролл хотел подойти поближе, но сдержался из уважения к хозяевам дома.

– Ты знаешь, из-за чего они умерли?

– Они живы.

Бролл удивленно взглянул на Тиранду. Та молчала. Ему поневоле пришлось подойти и, опустившись на колени, повнимательнее рассмотреть обитателей жилища. Он вновь распахнул глаза.

Ночные эльфы и в самом деле дышали, очень тихо, но размеренно.

– Так они... спят?

– Да. И мне не удалось разбудить ни одного из жителей города.

Несмотря на сказанное жрицей, Бролл аккуратно коснулся плеча ночных эльфа. Ничего не произошло. Тогда он прикоснулся к эльфийке. Отчаявшись, Бролл взял каждого из них за руку и потряс.

– Нужно найти источник заклинания! – прорычал он, отстранившись. – Должно быть, здесь потрудился какой-то безумный маг!

– И притом очень могущественный, – заметила верховная жрица и указала на дверь. – Пойдем, я хочу показать тебе кое-что еще.

Они вышли из дома, а потом вместе с присоединившимся гиппогрифом перешли мост, который вел в торговый квартал Аубердина. В тумане трудно было разглядеть детали, но Бролл все равно заметил вывеску. Надписи на дарнасском и общем языках гласили: «ТАВЕРНА «ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ»».

Он прекрасно понимал, что уж в таверне точно должны гореть огни. Это место наравне с постоянным двором было одним из немногих оживленных в городе.

Гиппогриф Джай встал рядом со входом, взглядываясь в туман в поисках возможных врагов. Верховная жрица же без единого слова вошла внутрь, и по ее молчанию Бролл сразу понял, что их там ждет.

В доме, где беспробудным сном спали двое ночных эльфов, несмотря на всю странность ситуации царил порядок, чего нельзя было сказать о таверне. Все стулья здесь валялись на деревянном полу, а некоторые столы были перевернуты. Бар в конце помещения, изрядно испачкавшийся за годы обслуживания нетрезвых завсегдатаев, был усыпан разбитыми бутылками и даже бочками.

По всей таверне лежали распростертые тела ночных эльфов, нескольких гномов, людей и одинокого дворфа.

– Я приземлилась неподалеку отсюда и очень удивилась, когда поняла, что в городе слишком тихо и не горят огни, – пояснила Тиранда. – Решив, что уж здесь наверняка кто-нибудь есть, я сразу же пошла в таверну.

– А они... они тоже спят?

Тиранда склонилась над человеком. Он лежал на столе и, казалось, некоторое время назад просто рухнул от изнеможения. Его волосы и борода были взъерошены, а одежда, хоть и запыленная, указывала на довольно высокое положение. Рядом лежал ночной эльф, местный житель. Он упал на пол и распростерся на боку, протянув к человеку руки. Он тоже выглядел удивительно неопрятно. Эти двое производили особенно гнетущее впечатление, хотя по остальным посетителям таверны тоже было видно, что без борьбы здесь не обошлось.

– Драка началась здесь, – предположил Бролл.

Тиранда встала.

– Если и так, то это скорее уж была мягкая потасовка. Смотри, синяки они получили разве что от падения. Эти двое так и вообще просто свалились на пол, – Тиранда указала на дворфа и еще нескольких посетителей. – Обрати внимание на положение тел.

Бролл немного подумал и наконец нахмурился:

– Похоже, они просто отдыхают, причем абсолютно все!

— Спят, — подтвердила Тиранда, — все спят, даже эти двое, самые отчаянные бойцы. Оглянись по сторонам. Таверна выглядит так, как будто здесь от чего-то оборонялись.

— И как же я сам не догадался! — только теперь друид заметил, что столы и стулья сложены наподобие баррикад, из-за которых можно было наблюдать за входом и окнами. — Но от чего они пытались защититься?

На этот вопрос Тиранда не могла ответить.

Бролл прищурился. На самом деле, за последние несколько минут ему приходилось щуриться гораздо чаще, несмотря на то что солнце уже село, а в темноте зрениеочных эльфов только обострялось.

— Туман сгущается и... становится темнее!

Джай, оставшийся снаружи, низко вскрикнул, как будто желая предупредить об опасности.

Тиранда и Бролл сразу же поспешили к выходу. Гиппогриф нервно расхаживал из стороны в сторону. Впрочем, ни единого признака опасности поблизости не наблюдалось, зато туман становился все плотнее и дальность обзора стремительно снижалась.

Вдруг из таверны послышался чей-то стон. Бролл протиснулся мимо верховной жрицы и бросился к лежащим в дальнем конце телам. Затем стон раздался с другой стороны. Бролл понял, что звук исходил от ночного эльфа, скорчившегося рядом с человеком, и сразу же склонился над его телом.

— Что случилось? Он проснулся? — спросила Тиранда, зайдя следом.

— Нет... — ответил Бролл, чуть повернув голову ночного эльфа. — Все еще спит.

В этот момент послышался уже третий стон, а потом и вовсе нестройный вой. Бролл различил в каждом из голосов неподдельный ужас, и волоски у него на шее встали дыбом.

— Им снятся не простые сны, — сказал друид, поднявшись и взглянув в сторону входа. — Это кошмары!

Джай снова встревоженно крикнул. Бролл и Тиранда вышли на улицу и вновь ничего не увидели, зато слух их не подвел — теперь стоны разносились по всему Аубердину.

— Это как-то связано с Малфурионом, — уверенно заявила Тиранда.

— Интересно, как?

Джай шагнул вперед и склонил голову набок, прислушиваясь. В этот момент какая-то призрачная фигура возникла на мгновение и тут же исчезла. Судя по росту (не такому внушительному, как уочных эльфов), это был человек. Гиппогриф собрался было броситься вслед, но Тиранда остановила его, тихо позвав по имени, а затем сама пошла вперед. Бролл быстро поравнялся с ней, готовый при первой необходимости использовать все свои умения и прийти на помощь. Джай шел следом.

— Вон там! — прошипела верховная жрица, указав влево.

Бролл едва успел разглядеть фигуру, прежде чем она вновь скрылась за пеленой тумана.

— Кажется, этот путник спотыкается на ходу. Может быть, он единственный, кому удалось спастись?

— Туман вокруг него слишком плотный, — заметила Тиранда, сложив руки в особом жесте. — Надеюсь, Мать-Луна услышит мою мольбу.

Серебристый лунный луч, сошедший с темного неба над верховной жрицей, осветил то направление, в котором двигалась загадочная фигура. Туман рассеялся, и путь стал виден. Бролл удивленно приподнял бровь, наблюдая за тем, как волшебный луч, словно живое существо, отклонился в сторону, стал больше и наконец выхватил из тьмы незнакомца, который и в самом деле оказался человеком.

Его одежда была не в лучшем состоянии, да и сам он, вероятно, проделал чересчур долгий путь. Мужчина взглянул на Тиранду и Бролла запавшими от недостатка сна глазами. Он

казался еще более изнуренным, чем спящие обитатели таверны, но при этом продолжал идти вперед.

– Во имя Нордрассила! – удивленно воскликнул Бролл.

Да, этот странный человек не просто шел вперед, но еще и каким-то чудом *исчез* прямо на глазах у изумленных наблюдателей.

– Маг! – резко выкрикнула Тиранда. – Стало быть, он вовсе не несчастная жертва, а виновник всего случившегося в Аубердине!

– Госпожа, я не был бы так в этом уверен, – Бролл не мог подобрать слов, однако в том, как именно исчез этот странный человек, было что-то очень знакомое.

Друид попытался сосредоточиться на только что увиденном. Человек посмотрел на них, затем сделал шаг и…

– Похоже, он прошел *через* что-то и как будто куда-то *переместился*, – пробормотал Бролл, обращаясь скорее к самому себе.

И когда это произошло, друид что-то ощутил. Но что именно?

– Исчез он или вошел в какой-то портал, разве это имеет значение? – возразила Тиранда, помрачнев еще сильнее. Затем она быстро подошла к гипногрифу и достала из седельной сумки глефу. – Возможно, он прольет свет на то, что случилось с Малфурионом!

Бролл не успел ничего предпринять, а верховная жрица уже бросилась к тому месту, где еще недавно стоял незнакомец. Да, возможно, Тиранда права, и этот странный человек и в самом деле повинен в том, что случилось с жителями Аубердина, однако друид прекрасно понимал, что действовать следует осторожно, особенно если их потенциальный враг владеет магией.

Между тем, добравшись до места, где стоял незнакомец, Тиранда выставила перед собой глефу и тихо произнесла молитву. Свет Элуны окружил ее, а затем разошелся сразу в нескольких направлениях, но человека нигде не было.

Бролл подошел ближе.

– Светлейшая госпожа, я…

Тиранда недовольно скривилась:

– Я не королева Азшара. Прошу, не нужно величать меня такими титулами…

Вдруг туман с той же беспощадностью, что и луч Элуны, прорезали новые, полные ужаса, стоны.

– Нужно разбудить жителей! – прорычал Бролл. – Должен же быть хоть какой-то способ…

Джай вскрикнул, предупреждая об опасности. Ночные эльфы сразу предположили, что незнакомец вновь проявил себя, развернулись на звук и…

…увидели окутанные странным туманом фигуры, которые двигались в их сторону под аккомпанемент леденящих душу стонов.

Броллу вдруг стало не по себе. Ему захотелось сбежать, сжаться от страха и молиться, чтобы призрачные фигуры просто прошли мимо. По коже струился холодный пот.

«Что со мной происходит?» – подумал друид.

Он был не из тех, кого легко напугать, но теперь почему-то больше всего на свете хотел сдаться. Бролл взглянул на Тиранду и заметил, что рука, в которой она держала глефу, сильно дрожит – и вовсе не из-за веса оружия. Верховная жрица плотно сжала губы. Даже Джай то и дело испуганно вскрикивал и учащенно дышал.

Тиранда обернулась влево.

– И там они!

– Да, и справа, – добавил Бролл. – И, думаю, сзади тоже.

– Я не собираюсь сдаваться и плакать, как испуганный ребенок! – крикнула Тиранда, обращаясь к призрачным фигурам.

Несмотря на уверенный тон, ее руки тряслись, и Бролл, увидев это, занервничал еще сильнее.

С неба вновь снизошел серебристый свет, окутавочных эльфов и гиппогрифа. После этого луч осветил одну из пошатывавшихся фигур.

В серебристом сиянии луны Тиранда и Бролл увидели разлагающийся труп, уставившийся на них пустыми, невидящими глазами. Даже в посмертии лицо этого существа было искривлено мукой, и Бролл вдруг понял, что оно принадлежит тому самому ночному эльфу, который лежал на полу в таверне, а вот тело... Тело принадлежало призрачному созданию, тени, которую Бролл надеялся никогда больше не встретить. Мертвый ночной эльф каким-то образом превратился в демона Пылающего Легиона!

Враги были повсюду. Лунный луч выхватил из туманной тьмы искаженное пыткой лицо человека все с точно таким же телом демона.

– Они... – пробормотал Бролл. – Они вернулись...

– Нет, не может быть! – тихо сказала Тиранда. – Только не сатиры... Пожалуйста, только не сатиры!

Оба ночных эльфа застыли, не в силах пошевелиться. Они хотели броситься в бой, но чудовищные фигуры, наступавшие со всех сторон, поселяли хаос в мыслях и парализовали тела.

В этот момент совсем рядом возникла еще одна фигура – тот самый человек в лохмотьях, которого Тиранда и Бролл безуспешно пытались догнать. Пошатываясь и глядя куда-то в сторону, он подошел ближе.

Бролл моргнул, пытаясь хоть что-то увидеть, но то ли туман сгустился, то ли зрение стало подводить, и ужасающие фигуры с лицами несчастных жителей Аубердина снова превратились в призрачные силуэты.

Вдруг друид почувствовал, что падает. Он ощупал землю руками и неожиданно обнаружил, что стоит на коленях. Более того, все это время он спал, и демоны оказались простым кошмаром!

– Во имя Матери-Луны! – прорычала Тиранда, но ее голос казался лишь далеким эхом. – Что?..

В этот момент в кромешной темноте раздался голос измученного человека, который появился как будто бы из ниоткуда.

– Только бы не уснуть... Только бы не уснуть, – шептал он. Бролл почувствовал прикосновение к плечу, а потом понял, что их с Тирандой, стоявших на коленях, держал изможденный человек, скорчившийся позади.

Мир начал меняться, постепенно *таять*, словно призрачное воспоминание.

Все вокруг окутала зеленая дымка.

Аубердин остался далеко позади, даже ландшафт невозможно было разглядеть. Бролл попытался сосредоточиться и разобраться, где именно они оказались, но вдруг все стало расплываться, как будто им удалось развить скорость, недоступную смертным существам.

А после зеленоватая дымка рассеялась, и окружающий мир стал приобретать очертания. В ночном воздухе по-прежнему клубился туман, пусть и не такой плотный, как в Аубердине.

Бролл, внезапно осознав, что куда-то движется, попытался обрести контроль над телом. Однако делать этого не стоило. Он упал и непременно сильно ударился бы, но положение спасла укрывавшая землю густая растительность. В итоге Бролл с трудом припал на одно колено. Тиранде повезло чуть больше – она сделала несколько шагов, а потом все же сумела скординировать свои движения.

Именно она заговорила первой, едва держась на нетвердых ногах и оглядываясь по сторонам:

– Где... Где мы? Это не Аубердин!

Действительно. Более того, Бролл вообще не узнавал здешних мест. Он потряс головой, пытаясь сосредоточиться. Произошедшее постепенно обретало смысл, но Броллу это совершенно не нравилось.

– Не Аубердин… – просипел человек в лохмотьях, из-за которого они здесь и оказались. Пошатываясь, он подошел к Броллу и перевел умоляющий взгляд с него на верховную жрицу. – Вы разбудили меня… Я смог идти…

Бролл поднялся и подхватил незнакомца под руку. Этот человек ни капли не походил на Вариана Ринна, однако его страдающий вид невольно напомнил ночному эльфу о старом друге. Что бы ни случилось с таинственным незнакомцем, его обстоятельства были ничуть не лучше временной потери памяти, приключившейся с королем Штормграда.

– Что ты сделал? – спросил Бролл. – Ты что, правда провел нас через…

Незнакомец навалился на него и буквально прожег взглядом.

– Я так устал! Не могу больше. Пожалуйста, не дайте мне заснуть… – пробормотал он, потом застонал и потерял сознание.

Бролл от неожиданности едва успел его удержать, а затем аккуратно положил на землю.

– Надо его разбудить! – воскликнула Тиранда. – Ты ведь слышал, что он сказал, и видел Аубердин!

Бролл внимательно посмотрел на их нового спутника.

– Не получится, даже если мы объединим усилия. Он очень крепко спит.

– Но без него нам не узнать, что происходит с Малфурионом! – верховная жрица резко села и потянулась к человеку, как будто собираясь его встряхнуть, но в последний момент остановилась и взяла себя в руки. – Прости…

– Не за что прощать, – ответил Бролл и взглянул на незнакомца. – Его одежда, хоть и видела лучшие времена, свидетельствует о высоком положении, но большего я сказать не могу.

– Не похож он на мага, – заметила Тиранда.

Бролл кивнул:

– Да. Кроме того, ни один маг не способен на то, что сотворил он. Такое не под силу ни человеку, ни дворфу, ни даже большинствуочных эльфов, – проворчал он. – Или же я ошибаюсь.

Тиранда нахмурилась.

– А что он сделал? Больше всего похоже на магию, пусть и странную. Он ведь забрал с собой нас обоих… – сказала Тиранда и вдруг осеклась. – Но Джай…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.